Третій годъ изданія.

ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя!“... Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 35. 1-го марта 1903 года. № 35.

КАРЛЪ МАРКСЪ.

Тридцать-пятый номеръ „Искры“ выходитъ въ свѣтъ въ день двадцатилѣтія смерти Карла Маркса, которому и принадлежитъ въ немъ первое мѣсто.

Если вѣрно то, что великое международное движеніе пролетаріата было самымъ замѣчательнымъ общественнымъ явленіемъ девятнадцатаго столѣтія, то нельзя не признать, что основатель Международнаго Товарищества Рабочихъ былъ самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ этого столѣтія. Борецъ и мыслитель въ одно и тоже время, онъ не только организовалъ первые кадры международной арміи рабочихъ, но и выковалъ для нея, въ сотрудничествѣ со своимъ неизмѣннымъ другомъ Фридрихомъ Энгельсомъ, то могучее духовное оружіе, съ помощью котораго она уже нанесла множество пораженій непріятелю и которое современемъ дастъ ей полную побѣду. Если соціализмъ сталъ наукой, то этимъ мы обязаны Карлу Марксу. И если сознательные пролетаріи хорошо понимаютъ теперь, что для окончательнаго освобожденія рабочаго класса необходима социальная революція, и что эта революція должна быть дѣломъ самого рабочаго класса; если они являются теперь непримиримыми и неутомимыми врагами буржуазнаго порядка, то въ этомъ сказывается вліяніе научнаго соціализма. Съ точки зрѣнія „практическаго разума“ научный соціализмъ отличается отъ утопическаго именно тѣмъ, что рѣшительно разоблачаетъ коренныя противорѣчія капиталистическаго общества и безпощадно обнаруживаетъ всю наивную тщету всѣхъ тѣхъ, иногда очень остроумныхъ и всегда вполнѣ благожелательныхъ плановъ общественной реформы, которые предлагались соціалистами-утопистами разныхъ школъ, какъ вѣрнѣйшее средство прекращенія борьбы классовъ и примиренія пролетаріата съ буржуазіей. Современный пролетарій, усвоившій теорію научнаго соціализма и остающійся вѣрнымъ ея духу, не можетъ не быть революціонеромъ и по логикѣ, и по чувству, т. е. не можетъ не принадлежать къ самой „опасной“ разновидности революціонеровъ.

Марксу досталась великая честь сдѣлаться наиболѣе ненавистнымъ для буржуазіи соціалистомъ девятнадцатаго вѣка. Но ему же выпало на долю завидное счастье стать наиболѣе уважаемымъ учителемъ пролетаріата той же эпохи. Въ то время, какъ вокругъ него сосредоточивалась злоба эксплуататоровъ, его имя пріобрѣтало все болѣе и болѣе почетную извѣстность въ средѣ эксплуатируемыхъ. И теперь, въ началѣ двадцатаго вѣка, сознательные пролетаріи всѣхъ странъ видятъ въ немъ своего учителя и гордятся имъ, какъ однимъ изъ самыхъ всеобъемлющихъ и глубокихъ умовъ, однимъ изъ самыхъ благородныхъ и самоотверженныхъ характеровъ, какіе только знаетъ исторія.

„Святой, память котораго празднуется перваго мая, называется Карлъ Марксъ“ — писала одна буржуазная вѣнская газета въ концѣ апрѣля 1890 года. И, дѣйствительно, ежегодная майская демонстрація рабочихъ всего міра представляетъ собою величественное, хотя и не предумышленное, чествованіе памяти геніальнаго человѣка, программа котораго объединила въ одно стройное цѣлое повседневную борьбу рабочихъ за лучшія условія продажи своей рабочей силы съ революціонной борьбой противъ существующаго экономическаго строя. Только чествованіе это не имѣетъ ничего общаго съ религіозными праздниками; современный пролетаріатъ тѣмъ больше чтитъ своихъ „святыхъ“, чѣмъ больше ихъ дѣятельность способствовала приближенію того счастливаго времени, когда освобожденное человѣчество устроитъ свое царство небесное на землѣ, а небо предоставитъ въ распоряженіе ангеловъ и птицъ...

Къ числу злыхъ нелѣпостей, распространявшихся на счетъ Маркса, принадлежитъ сказка о томъ, что авторъ „Капитала“ относился враждебно къ русскимъ. На самомъ дѣлѣ онъ ненавидѣлъ русскій царизмъ, — всегда игравшій гнусную роль международнаго жандарма, готоваго давить всякое освободительное движеніе, гдѣ бы оно ни начиналось.

За всѣми серьезными проявленіями внутренняго развитія Россіи Марксъ слѣдилъ съ такимъ глубокимъ интересомъ и, — главное, — съ такимъ основательнымъ знаніемъ предмета, какіе едва-ли можно было встрѣтить у кого-нибудь изъ его западноевропейскихъ современниковъ. Нѣмецкій рабочій Лесснеръ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ, какъ радовался онъ появленію русскаго перевода „Капитала“, и какъ пріятно было ему вѣрить, что въ Россіи появляются уже люди, способные понимать и распространять идеи научнаго соціализма. Изъ предисловія къ русскому переводу „Манифеста Коммунистической Партіи“, — подписаннаго имъ и Энгельсомъ, — видно, что сочувствіе русскимъ революціонерамъ и нетерпѣливое желаніе поскорѣе увидѣть ихъ побѣдителями приводило его даже къ значительной переоцѣнкѣ тогдашняго нашего революціоннаго движенія. А какой радушный пріемъ встрѣчали въ его гостепріимномъ домѣ*) русскіе изгнанники, показываютъ его отношенія къ Лопатину и Гартману. Его разладъ съ Герценомъ вызванъ былъ частью случайнымъ недоразумѣніемъ, а частью вполнѣ заслуженнымъ недовѣріемъ къ тому славянофильскому соціализму, провозвѣстникомъ котораго въ западно-европейской литературѣ, къ сожалѣнію, сдѣлался нашъ блестящій соотечественникъ подъ вліяніемъ тяжелыхъ разочарованій 1848-1851 годовъ. Рѣзкая выходка Маркса противъ этого славянофильскаго соціализма въ первомъ изданіи перваго тома „Капитала“ заслуживаетъ не осужденія, а похвалы, особенно въ настоящее время, когда этотъ соціализмъ возрождается у насъ въ видѣ программы партіи такъ называющихся соціалистовъ-революціонеровъ. Наконецъ, что касается ожесточенной борьбы Маркса съ Бакунинымъ въ Международномъ Товариществѣ Рабочихъ, то она не имѣетъ ни самомалѣйшаго отношенія къ русскому происхожденію этого анархиста и очень просто объясняется непримиримой противоположностью взглядовъ**). Когда изданія группы „Освобожденіе Труда“ положили начало распространенію соціаль-демократическихъ идей между русскими революціонерами, Энгельсъ, въ письмѣ къ В. И. Засуличъ, выразилъ сожалѣніе о томъ, что это произошло не при жизни Маркса, который, по его словамъ, радостно привѣтствовалъ бы литературное предпріятіе этой группы. Что же сказалъ бы великій авторъ „Капитала“, если бы ему довелось дожить до настоящаго времени и узнать, что у него есть уже много и много послѣдователей въ средѣ русскихъ рабочихъ! Какою радостью наполнилось бы его сердце, если бы ему пришлось услыхать о событіяхъ, подобныхъ недавнимъ событіямъ въ Ростовѣ-на-Дону? Въ его время русскій марксистъ былъ рѣдкостью, и передовые русскіе люди посматривали на эту рѣдкость въ лучшемъ случаѣ съ улыбкой добродушнаго сожалѣнія; теперь идеи Маркса господствуютъ въ русскомъ революціонномъ движеніи, а тѣ русскіе революціонеры, которые, по старой привычкѣ, отвергаютъ ихъ вполнѣ или отчасти, въ дѣйствительности давно уже, — и несмотря на свою, по большей части, очень громкую революціонную фразеологію, — перестали быть передовыми и незамѣтно для себя перешли въ обширный лагерь отсталыхъ.

Не мало пустяковъ говорилось и повторялось также объ его частыхъ полемическихъ стычкахъ съ противниками. Миролюбивые, но недалекіе люди объясняли эти стычки его будто бы неудержимой страстью къ полемикѣ, которая, въ свою очередь, будто бы порождалась его будто бы злымъ характеромъ. На самомъ дѣлѣ, та почти безпрерывная литературная борьба, которую ему приходилось вести особенно въ началѣ своей общественной дѣятельности, вызывалась не свойствами его личнаго характера, а общественнымъ значеніемъ защищаемой имъ идеи. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ соціалистовъ, съумѣвшихъ, и въ теоріи, и на практикѣ, всецѣло встать на точку зрѣнія классовой борьбы и отдѣлить интересы пролетаріата отъ интересовъ мелкой буржуазіи. Неудивительно, поэтому, что ему приходилось часто и враждебно сталкиваться съ теоретиками мелко-буржуазнаго соціализма, очень многочисленными тогда особенно въ средѣ германской „интеллигенціи“. Прекращеніе полемики съ этими теоретиками означало бы отказъ отъ мысли сплотить пролетаріатъ въ особую партію, имѣющую свою собственную историческую цѣль, а не плетущуюся во хвостѣ мелкой буржуазіи. „Наша задача, — говорилъ журналъ Маркса „Новая Рейнская Газета“ въ апрѣлѣ 1850 года — состоитъ въ безпощадной критикѣ, направляемой даже болѣе противъ нашихъ мнимыхъ друзей, чѣмъ противъ нашихъ явныхъ враговъ; и, занимая такую позицію, мы съ удовольствіемъ отказываемся отъ дешевой демократической популярности“. Явные враги были менѣе опасны именно потому, что они уже не могли затемнить классовое самосознаніе пролетаріевъ, между тѣмъ какъ мелкобуржуазные соціалисты съ ихъ „внѣклассовыми“ программами продолжали вести за собой многихъ и многихъ рабочихъ. Борьба съ ними была неизбѣжна, и Марксъ велъ ее со свойственнымъ ему неподражаемымъ умѣньемъ. Его примѣра не должны забывать мы, русскіе соціальдемократы, которымъ приходится дѣйствовать при условіяхъ, очень похожихъ на условія, существовавшія въ до-революціонной Германіи. Мы, можно сказать, со всѣхъ сторонъ окруженные мелкобуржуазными теоретиками специфическаго „русскаго соціализма“, должны твердо помнить, что интересы пролетаріата и насъ обязываютъ безпощадно критиковать нашихъ мнимыхъ друзей, — напр., хорошо извѣстныхъ нашимъ читателямъ „соц.-революціонеровъ“, — какъ бы ни возмущала наша безпощадная критика добродушныхъ, но недалекихъ друзей мира и согласія между различными революціонными „фракціями“.

Ученіе Маркса — современная „алгебра революціи“. Пониманіе его необходимо для всѣхъ тѣхъ, которые хотятъ вести сознательную борьбу съ существующимъ у насъ порядкомъ вещей. И это до такой степени вѣрно, что даже многіе идеологи русской буржуазіи одно время чувствовали потребность сдѣлаться марксистами. Идеи Маркса были незамѣнимы для нихъ въ ихъ борьбѣ съ допотопными теоріями народничества, пришедшими въ рѣзкое противорѣчіе съ новыми экономическими отношеніями Россіи. Это хорошо поняли тѣ наши молодые буржуазные идеологи, которые лучше другихъ были знакомы съ современной литературой общественныхъ наукъ. Они стали подъ знамя марксизма и, борясь подъ этимъ знаменемъ, пріобрѣли довольно громкую извѣстность. А когда народники были разбиты на голову, когда ихъ старо-завѣтныя теоріи превратились въ груду безобразныхъ развалинъ, тогда наши новоявленные марксисты рѣшили, что марксизмъ уже сдѣлалъ свое дѣло, и что пора подвергнуть его строгой критикѣ. Эта „критика“ совершалась подъ тѣмъ предлогомъ, что общественная мысль должна идти впередъ, но единственнымъ ея результатомъ оказалось то, что подъ ея прикрытіемъ наши недавніе союзники совершили попятное движеніе и расположились на теоретическихъ позиціяхъ западноевропейскихъ буржуа соціаль-реформаторскаго оттѣнка. Какъ ни жалокъ былъ этотъ результатъ столь крикливо возвѣщеннаго „критическаго“ похода и какъ ни тяжело было русскимъ соц.-демократамъ присутствовать при этихъ „критическихъ“ превращеніяхъ людей, вмѣстѣ съ которыми они только-что выступали противъ одного общаго врага и съ которыми они надѣялись впослѣдствіи окончательно сблизиться, но по зрѣломъ разсужденіи они должны были сознаться, что отступленіе нашихъ неомарксистовъ на „священную гору“ буржуазнаго реформаторства не только вполнѣ естественно, но еще является косвеннымъ подтвержденіемъ правильности выработаннаго Марксомъ матеріалистическаго пониманія исторіи. Въ 1895-96 гг. у насъ увлекались марксизмомъ такія лица, которыя ни по общественному своему положенію, ни по умственному и нравственному своему складу не имѣли ничего общаго ни съ пролетаріатомъ, ни съ его освободительной борьбой. Одно время на марксизмъ была мода во всѣхъ петербургскихъ канцеляріяхъ. Если бы такое положеніе дѣлъ могло продолжаться, то оно доказывало бы, что основатели научнаго соціализма ошибались, утверждая, что образъ мыслей опредѣляется образомъ жизни, и что высшіе классы не могутъ стать носителями соціально-революціонныхъ идей нашего времени. Но „критика Маркса“, начавшаяся немедленно послѣ того, какъ закончилась борьба противъ реакціонныхъ стремленій народничества, лишній разъ подтвердила, что Марксъ и Энгельсъ были правы: образъ мыслей „критиковъ“ опредѣлился ихъ общественнымъ положеніемъ; возставая противъ „фанатизма догмы“, они въ дѣйствительности возставали только противъ соціально-революціоннаго содержанія Марксовой теоріи. Имъ нуженъ былъ не тотъ Марксъ, который въ теченіе всей своей жизни, — полной труда, борьбы и лишеній, — горѣлъ священнымъ огнемъ ненависти противъ капиталистической эксплуатаціи: Марксъ — вожакъ революціоннаго пролетаріата казался имъ неприличнымъ и „ненаучнымъ“. Имъ нуженъ былъ только тотъ Марксъ, который въ „Манифестѣ Коммунистической Партіи“ объявилъ, что онъ готовъ поддерживать буржуазію, поскольку она является революціонной въ своей борьбѣ съ абсолютной монархіей и мелкимъ мѣщанствомъ. Ихъ интересовала только демократическая половина соціально-демократической программы Маркса. Это было какъ нельзя болѣе естественно; но именно эти совершенно естественныя стремленія нашихъ „критиковъ“ дѣлали очевидной полную неосновательность всякихъ разсчетовъ на нихъ, какъ на соціалистовъ. Ихъ мѣсто — въ рядахъ либеральной оппозиціи, которой они и дали — въ лицѣ редактора „Освобожденія“, г. П. Струве, — внимательнаго, старательнаго и талантливаго литературнаго выразителя.

Судьба марксовой теоріи доказываетъ ея вѣрность. И это не только въ Россіи. Извѣстно, что западные ученые долго пренебрегали ею, какъ неудачнымъ плодомъ соціально-революціоннаго фанатизма, но время шло и съ теченіемъ времени дѣлалось все болѣе и болѣе яснымъ даже и для глазъ, смотрѣвшихъ сквозь очки буржуазной ограниченности, что плодъ соціально-революціоннаго фанатизма имѣетъ, по крайней мѣрѣ, одно неоспоримое преимущество: онъ даетъ чрезвычайно плодотворный методъ изслѣдованія общественной жизни. Чѣмъ болѣе подвигалось впередъ научное изученіе первобытной культуры, исторіи, права, литературы и искусства, тѣмъ плотнѣе и плотнѣе подходили изслѣдователи къ историческому матеріализму*), несмотря на то, что большинство изъ нихъ, или совсѣмъ ничего не знало объ исторической теоріи Маркса, или, какъ огня, боялось его матеріалистическихъ, — т. е., въ глазахъ современной буржуазіи, безнравственныхъ и опасныхъ для общественнаго спокойствія — взглядовъ. И мы видимъ, что матеріалистическое объясненіе уже начинаетъ пріобрѣтать себѣ въ ученомъ мірѣ право гражданства. Недавно появившееся на англійскомъ языкѣ сочиненіе американскаго профессора Зелигмана „Экономическое объясненіе исторіи“ свидѣтельствуетъ о томъ, что оффиціальные жрецы науки понемногу проникаются сознаніемъ великаго научнаго значенія исторической теоріи Маркса. Зелигманъ даетъ намъ понять, между прочимъ, и тѣ психологическія причины, которыя препятствовали до сихъ поръ правильному признанію и пониманію этой теоріи буржуазнымъ ученымъ міромъ. Онъ прямо и откровенно говоритъ, что ученыхъ пугали соціалистическіе выводы Маркса. И онъ старается растолковать своимъ собратьямъ по наукѣ, что соціалистическіе выводы можно отбросить, усвоивъ себѣ только лежащую въ ихъ основаніи историческую теорію. Это остроумное соображеніе, которое, замѣтимъ кстати, хотя и робко, но совершенно ясно было высказано уже въ „Критич. замѣткахъ“ г. П. Струве, — служитъ новымъ доказательствомъ той, не новой уже истины, что легче верблюду пролѣзть сквозь игольное ушко, чѣмъ идеологу буржуазіи перейти на точку зрѣнія пролетаріата. Марксъ былъ революціонеромъ до конца ногтей. Онъ возставалъ противъ бога капитала, какъ гетевскій Прометей возставалъ противъ Зевса. И, подобно этому Прометею, онъ могъ сказать о себѣ, что его задача заключается въ воспитаніи такихъ людей, которые, умѣя по человѣчески страдать и по человѣчески наслаждаться, съумѣли бы „не уважать тебя“, божество, враждебное людямъ. А буржуазные идеологи именно этому-то божеству и служатъ. Ихъ задача именно въ томъ и заключается, чтобы отстаивать его права духовнымъ оружіемъ, какъ полиція и войско поддерживаютъ ихъ оружіемъ холоднымъ и огнестрѣльнымъ. Признаніемъ буржуазныхъ ученыхъ будетъ пользоваться только такая теорія, которая не покажется имъ опасной для бога капитала. Ученые Франціи и вообще странъ французскаго языка въ этомъ отношеніи гораздо откровеннѣе всѣхъ другихъ. Такъ, еще извѣстный Лавеле говорилъ, что экономическая наука должна быть перестроена заново, потому что она перестала удовлетворять своему назначенію съ тѣхъ поръ, какъ легкомысленный Бастіа компрометировалъ защиту существующаго порядка. А совсѣмъ недавно А. Бэшо въ книгѣ, посвященной французской школѣ политической экономіи, нисколько не конфузясь, оцѣнивалъ различныя экономическія ученія съ той точки зрѣнія, какое изъ нихъ „даетъ болѣе дѣйствительное оружіе противникамъ соціализма“. Въ виду этого понятно, что идеологи буржуазіи, усваивающіе себѣ идеи Маркса, непремѣнно будутъ стоять „подъ знакомъ критики“. Мѣра ихъ „критическаго“ отношенія къ Марксу является мѣрой несоотвѣтствія взглядовъ этого непримиримаго и неутомимаго революціонера съ интересами господствующаго класса. Понятно также и то, что послѣдовательно мыслящій буржуа скорѣе признаетъ вѣрными историческія идеи Маркса, чѣмъ его экономическую теорію: историческій матеріализмъ легче обезвредить, чѣмъ, напримѣръ, ученіе о прибавочной стоимости. Это послѣднее, — которому одинъ изъ самыхъ выдающихся буржуазныхъ „критиковъ“ Маркса далъ выразительное названіе теоріи эксплуатаціи, — навсегда сохранитъ за собой въ образованныхъ и ученыхъ кругахъ буржуазіи репутацію неосновательнаго. Экономической теоріи Маркса ученые и образованные буржуа нашего времени предпочитаютъ „субъективную“ экономическую теорію, имѣющую то хорошее свойство, что явленія экономической жизни общества разсматриваются ею внѣ всякой связи ихъ съ его производственными отношеніями, въ которыхъ коренится источникъ эксплуатаціи пролетаріата буржуазіей, и напоминать о которыхъ очень неудобно, поэтому, теперь, когда классовое самосознаніе рабочихъ подвигается впередъ такими быстрыми шагами.

Экономическія, историческія и философскія идеи Маркса могутъ быть приняты во всей грозной полнотѣ ихъ революціоннаго содержанія только идеологами пролетаріата, классовой интересъ котораго связанъ не съ сохраненіемъ, а съ устраненіемъ капиталистическаго порядка, съ соціальной революціей...

---

*) Тотъ же рабочій Лесснеръ говоритъ, что домъ Маркса „всегда былъ открытъ для всѣхъ надежныхъ товарищей“.

**) Бывшій „марксистъ“, а нынѣ вульгарный экономистъ г. М. Туганъ-Барановскій въ своихъ „Очеркахъ изъ новѣйшей исторіи политической экономіи“ (стр. 294) повторяетъ анархическую сплетню о томъ, что Марксъ, будто бы, содѣйствовалъ распространенію печатной клеветы на Бакунина. Здѣсь не мѣсто разбирать доводы, приводимые обыкновенно въ подкрѣпленіе этой выдумки. Мы подробно поговоримъ о нихъ въ „Зарѣ“, гдѣ легкомысленное произведеніе г. Туганъ-Барановскаго получитъ достойную оцѣнку. Но не мѣшаетъ замѣтить, что нашъ бывшій „марксистъ“ вовсе не потрудился подвергнуть критикѣ свои источники. Онъ голословно повторяетъ обвиненіе, которое, не будучи доказано, въ свою очередь, становится клеветой.

*) Изъ новѣйшихъ авторовъ упомянемъ Бюхера, фонъ-деръ-Штейнена, Гильдебранда, Эспинаса, Гѣрнеса, Фейергерда, Гроссе, Чикотти и цѣлую школу американскихъ этнологовъ.

САМОДЕРЖАВІЕ КОЛЕБЛЕТСЯ...

Самодержавіе колеблется. Самодержецъ самъ признается въ этомъ публично передъ народомъ. Таково громадное значеніе царскаго манифеста отъ 26 февраля, и никакія условныя фразы, никакія оговорки и отговорки, переполняющія манифестъ, не измѣнятъ историческаго значенія сдѣланнаго шага.

Царь начинаетъ по старому — пока еще по старому: „божіею милостью“... и кончаетъ полу-трусливымъ, полулицемѣрнымъ обращеніемъ за помощью къ людямъ, облеченнымъ довѣріемъ общественнымъ. Царь чувствуетъ уже самъ, что безвозвратно проходятъ тѣ времена, когда могло держаться на Руси правительство божіею милостію, что единственнымъ прочнымъ правительствомъ въ Россіи можетъ быть отнынѣ правительство волею народа.

Царь подтверждаетъ свой священный обѣтъ хранить вѣковые устои россійской державы. Въ переводѣ съ казеннаго на русскій языкъ это значитъ: хранить самодержавіе. Нѣкогда Александръ III заявилъ это не обинуясь и прямо (въ манифестѣ отъ 29 апрѣля 1881 года), — когда революціонное движеніе шло на убыль и падало. Нынѣ, когда

боевой кличъ „долой самодержавіе“ раздается все громче и все внушительнѣе, Николай II предпочитаетъ прикрывать свое заявленіе маленькимъ фиговымъ листкомъ и стыдливо ссылаться на незабвеннаго родителя. Безсмысленная и презрѣнная уловка! Вопросъ поставленъ прямо и вынесенъ на улицу: быть или не быть самодержавію. И всякое обѣщаніе „реформъ“, — съ позволенія сказать, „реформъ“! — начинающееся обѣщаніемъ хранить самодержавіе, есть вопіющая ложь, издѣвка надъ русскимъ народомъ. Но нѣтъ лучшаго повода для всенароднаго изобличенія правительственной власти, какъ обращеніе самой этой власти ко всему народу съ лицемѣрными и фальшивыми обѣщаніями.

Царь говоритъ (опять-таки съ фиговымъ листкомъ) о революціонномъ движеніи, жалуясь на то, что „смута“ мѣшаетъ работѣ надъ улучшеніемъ народнаго благосостоянія, что она волнуетъ умы, что она отрываетъ народъ отъ производительнаго труда, что она губитъ силы, дорогія царскому сердцу, губитъ молодыя силы, необходимыя для родины. И вотъ, **такъ какъ** гибнущіе участники революціоннаго движенія дороги царскому сердцу, **поэтому**, царь тутъ же и обѣщаетъ строго пресѣкать всякое уклоненіе отъ нормальнаго хода общественной жизни, т. е. свирѣпо преслѣдовать за свободное слово, за рабочія стачки, за народныя демонстраціи.

Этого довольно. Этого слишкомъ довольно. Іезуитская рѣчь говоритъ сама за себя. Мы осмѣлимся только выразить увѣренность, что это „царское слово“, разойдясь по всѣмъ уголкамъ и захолустьямъ Россіи, будетъ самой великолѣпной агитаціей въ пользу революціонныхъ требованій. У кого осталась хоть капля чести, въ томъ это царское слово можетъ вызвать одинъ отвѣтъ: **требованіе** безусловнаго и немедленнаго освобожденія **всѣхъ**, отбывающихъ по суду или безъ суда, послѣ приговора или до приговора, тюремное заключеніе, ссылку или арестъ по политическимъ и религіознымъ дѣламъ и дѣламъ о стачкахъ и сопротивленіи властямъ.

Мы видѣли, какимъ двуличнымъ языкомъ говоритъ царь. Посмотримъ теперь, о **чемъ** онъ говоритъ.

Главнымъ образомъ, о трехъ предметахъ. Во-первыхъ, о вѣротерпимости. Должны быть подтверждены и закрѣплены наши основные законы, обезпечивающіе свободу вѣроисповѣданія для всѣхъ вѣроученій. Но православное вѣроисповѣданіе должно пребыть господствующимъ. Во-вторыхъ, царь говоритъ о пересмотрѣ законовъ, касающихся сельскаго состоянія, объ участіи въ этомъ пересмотрѣ лицъ, пользующихся довѣріемъ общества, о совмѣстной работѣ всѣхъ подданныхъ надъ укрѣпленіемъ нравственныхъ началъ въ семьѣ, школѣ и общественной жизни. Въ-третьихъ, объ облегченіи выхода крестьянъ изъ ихъ обществъ, объ освобожденіи крестьянъ отъ стѣснительной круговой поруки.

На три заявленія, обѣщанія, предложенія Николая II русская соціалдемократія отвѣчаетъ тремя требованіями, которыя она давно уже выставила, всегда защищала и всѣми силами распространяла и которыя надо особенно внушительно подтвердить теперь въ связи съ царскимъ манифестомъ и въ отвѣтъ на него.

Во-первыхъ, мы требуемъ немедленнаго и безусловнаго признанія закономъ свободы сходокъ, свободы печати и амнистіи всѣхъ „политиковъ“ и всѣхъ сектантовъ. Пока этого не сдѣлано, всякія слова о терпимости, о свободѣ вѣроисповѣданія останутся жалкой игрой и недостойной ложью. Пока не объявлена свобода сходокъ, слова и печати, — до тѣхъ поръ не исчезнетъ позорная русская инквизиція, травящая исповѣданіе неказенной вѣры, неказенныхъ мнѣній, неказенныхъ ученій. Долой цензуру! Долой полицейскую и жандармскую охрану „господствующей“ церкви! За эти требованія русскій сознательный пролетаріатъ будетъ биться до послѣдней капли крови.

Во-вторыхъ, мы требуемъ созыва всенароднаго учредительнаго собранія, которое должно быть выбрано всѣми гражданами безъ изъятій, и которое должно установить въ Россіи выборную форму правленія. Довольно этой игры въ совѣщанія мѣстныхъ людей, въ помѣщичьи парламенты при губернаторахъ, въ представительное правленіе господъ предводителей (а, можетъ быть, и делегатовъ еще?) дворянства! Довольно уже забавлялось всевластное чиновничество со всякими земствами, какъ кошка съ мышью, то отпуская, то лаская ихъ своими бархатными лапками! Пока не созвано всенародное собраніе депутатовъ, — до тѣхъ поръ ложью и ложью будутъ всякія слова о довѣріи общества, о нравственныхъ началахъ общественной жизни. До тѣхъ поръ не ослабнетъ революціонная борьба русскаго рабочаго класса съ русскимъ самодержавіемъ.

Въ-третьихъ, мы требуемъ немедленнаго и безусловнаго признанія закономъ полной равноправности крестьянъ со всѣми остальными сословіями и созыва **крестьянскихъ комитетовъ** для уничтоженія всѣхъ остатковъ крѣпостного права въ деревнѣ, для принятія серьезныхъ мѣръ къ улучшенію положенія крестьянства.

Безправіе крестьянства, составляющаго девять-десятыхъ населенія Россіи, не можетъ быть терпимо ни одного дня далѣе. Отъ этого безправія страдаетъ и весь рабочій классъ и вся страна; на этомъ безправіи держится вся азіатчина въ русской жизни; отъ этого безправія проходятъ безслѣдно (**или со вредомъ для крестьянъ**) всѣ и всяческія совѣщанія и коммиссіи. Царь и теперь хочетъ отдѣлаться прежними „совѣщаніями“ чиновниковъ и дворянъ, царь говоритъ даже о „сильной власти“ для руководства трудами мѣстныхъ людей. Крестьяне знаютъ очень хорошо на примѣрѣ земскихъ начальниковъ, что значитъ эта „сильная власть“. Крестьяне не даромъ прожили сорокъ лѣтъ нужды, нищеты и постояннаго голоданія послѣ благодѣянія дворянскихъ комитетовъ. Крестьяне поймутъ теперь, что всякія „реформы“ и улучшенія останутся обманомъ, если онѣ не проведены **самими крестьянами-же**. Крестьяне поймутъ, — и мы поможемъ имъ понять, — что только **крестьянскіе комитеты** способны уничтожить дѣйствительно не одну круговую поруку, а всѣ и всякіе остатки барщины и крѣпостного права, гнетущіе вплоть до двадцатаго вѣка десятки милліоновъ народа. Городскимъ рабочимъ вполнѣ достаточно свободы сходокъ и свободы печати: мы уже съумѣемъ использовать эти свободы!! Но крестьянамъ, разбросаннымъ по захолустьямъ, забитымъ и одичалымъ, этого мало, — и рабочіе должны помочь имъ, должны разъяснить имъ, что они неминуемо и неизбѣжно останутся жалкими рабами, пока не возьмутъ сами въ свои руки своей судьбы, пока не добьются, какъ перваго и основного шага, учрежденія **крестьянскихъ комитетовъ** для дѣйствительнаго, а не обманнаго освобожденія крестьянства.

Давно уже замѣчено опытными и умными людьми, что нѣтъ опаснѣе момента для правительства въ революціонную эпоху, какъ начало уступокъ, начало колебаній. Русская политическая жизнь послѣднихъ лѣтъ блестяще подтвердила это. Правительство проявило колебаніе въ вопросѣ о рабочемъ движеніи, давъ ходъ зубатовщинѣ, — и оскандалилось, сыгравъ прекрасно на руку революціонной агитаціи. Правительство хотѣло было уступить въ студенческомъ вопросѣ, — и оскандалилось, подвинувъ семимильными шагами революціонизированіе студенчества. Правительство повторяетъ теперь тотъ же пріемъ въ широкихъ размѣрахъ, по отношенію ко всѣмъ вопросамъ внутренней политики, — и оно неминуемо оскандалится, неминуемо облегчитъ, усилитъ и разовьетъ революціонный натискъ на самодержавіе!

* * *

Намъ необходимо еще остановиться на практическомъ вопросѣ о томъ, какъ воспользоваться царскимъ манифестомъ 26 февраля для агитаціи. Русскіе соціалдемократы давно уже давали этотъ отвѣтъ на вопросъ о средствахъ борьбы: организація и агитація, — и ихъ не смущали насмѣшки наивныхъ людей, находившихъ это „неопредѣленнымъ“ и считающихъ „опредѣленными“ средствами только выстрѣлы. И вотъ въ такіе моменты, какъ теперь, когда передъ нами внезапно встаетъ такой благодарный, такъ настоятельно требующій напряженія всѣхъ силъ поводъ для всенародной агитаціи, — въ такія минуты особенно чувствуется недочетъ въ этомъ, по прежнему въ этомъ, все въ этомъ же самомъ: въ организованности, въ способности быстро развернуть агитацію.

Но мы еще наверстаемъ и не разъ наверстаемъ потерянное!

Мы должны прежде всего отвѣтить на манифестъ 26 февр. листками общерусскими и мѣстными. Если прежде листки выходили по всей Руси въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, пусть теперь они будутъ распространены въ милліонахъ экземпляровъ, чтобы весь народъ узналъ отвѣтъ русскаго сознательнаго пролетаріата на царское обращеніе къ народу, чтобы всѣ видѣли наши опредѣленныя, практическія требованія въ сопоставленіи съ рѣчью царя **на ту же тему**.

Далѣе. Мы не должны допустить, чтобы одни только легальныя собранія благонамѣренныхъ земцевъ и дворянъ, купцовъ и профессоровъ и пр. и пр. отвѣчали съ благоговѣйнымъ восторгомъ на манифестъ 26 февраля. Недостаточно и тѣхъ отвѣтовъ, которые въ листкахъ дадутъ организаціи соціалдемократовъ. Пусть **въ каждомъ кружкѣ, на каждомъ собраніи рабочихъ** вырабатывается свой отвѣтъ, подтверждаются формально и торжественно требованія соціалдемократіи. Пусть рѣшенія этихъ рабочихъ (а если и удастся, и крестьянскихъ) собраній публикуются въ мѣстныхъ листкахъ и сообщаются въ наши газеты. Пусть всѣ знаютъ, что только отвѣты самихъ рабочихъ и крестьянъ мы считаемъ народнымъ отвѣтомъ. Пусть теперь же начнутъ готовиться всѣ кружки къ тому, чтобы поддержать наши основныя требованія **силою**.

Затѣмъ, мы не должны допустить, чтобы благодарственные адресы царю вырабатывались на всякихъ собраніяхъ безъ противодѣйствія. Довольно уже поддѣлывали русское народное мнѣніе наши гг. либералы! Довольно лгали они, говоря не то, что они думаютъ, говоря не то, что думаетъ вся мыслящая и готовая къ борьбѣ часть народа! Надо стараться проникать въ ихъ собранія, заявлять и тамъ, возможно болѣе широко, публично и открыто свои мнѣнія, свой протестъ противъ холопской благодарности, свой **настоящій** отвѣтъ царю, заявлять и распространеніемъ листковъ и, по мѣрѣ возможности, публичными рѣчами на всякихъ такихъ собраніяхъ (хотя бы гг. предсѣдатели и пытались остановить такія рѣчи).

Наконецъ, мы должны стараться вынести отвѣтъ рабочихъ и на улицу, заявить свои требованія путемъ демонстраціи, показать открыто численность и силу рабочихъ, сознательность и рѣшительность ихъ. Пусть предстоящая маевка вмѣстѣ съ общимъ заявленіемъ нашихъ пролетарскихъ требованій будетъ и особымъ, спеціальнымъ, опредѣленнымъ отвѣтомъ на манифестъ 26 февраля!

Пролетаріатъ и крестьянство.

IV. Пролетаріатъ и крестьянство „на Западѣ“.

(Продолженіе)

Теперь перенесемся въ Италію и посмотримъ, какъ обстоитъ дѣло съ движеніемъ тамошняго крестьянства.

Изъ очень извѣстной книги Наполеона Колаяни мы узнаемъ (стр. 19), что „оффиціальной“ программой сицилійскихъ рабочихъ союзовъ служитъ „программа итальянскихъ рабочихъ, программа марксовой школы“.*) Надѣемся, что это обстоятельство даже расторопнымъ г. Ю. Гарденинымъ не можетъ быть использовано, какъ доводъ **противъ** марксизма. Но вѣдь тутъ говорится объ оффиціальной программѣ: ясно, что, по мнѣнію Колаяни, есть еще какая-то другая программа, не признанная вожаками движенія, но за то, можетъ быть, болѣе соотвѣтствующая взглядамъ и стремленіямъ сицилійскаго крестьянства. Каково же содержаніе **этой** программы? Колаяни характеризуетъ ее словами нѣкоего Энея Кавальери, который говоритъ, что въ сущности сицилійскіе Fasci являются „обществами сопротивленія“ въ родѣ англійскихъ трэдъ-юніоновъ (стр. 21). Но что же такое — англійскій трэдъ-юніонъ? Это — организація, имѣющая цѣлью улучшить положеніе рабочаго, какъ продавца рабочей силы. Если рабочіе, принадлежащіе къ такой организаціи, не идутъ въ своихъ стремленіяхъ дальше этой цѣли, то они тѣмъ самымъ показываютъ, что ими еще не сознается истинное положеніе ихъ класса и опредѣляемая этимъ положеніемъ революціонная общественная задача. Такихъ рабочихъ можно и должно признать людьми ограниченными; но и этимъ ограниченнымъ людямъ не слѣдуетъ приписывать такихъ стремленій, какихъ они вовсе не имѣютъ: нельзя выставлять ихъ защитниками мелкаго производства. „Чистый трэдъ-юніонистъ“ стоитъ на пролетарской точкѣ зрѣнія, хотя по свойственной ему близорукости онъ и не способенъ охватить своимъ взглядомъ всю, открывающуюся оттуда величественную перспективу. Слѣдовательно, даже если Колаяни правъ; если „оффиціальная“ марксистская программа признавалась только вожаками сицилійскихъ союзовъ, между тѣмъ какъ масса не шла дальше своеобразнаго трэдъ-юніонизма, то и тогда наша „догма“ остается незыблемой; и тогда мы сохраняемъ полное право повторить, что въ нынѣшнемъ обществѣ движеніе земледѣльцевъ можетъ быть прогрессивнымъ только въ томъ случаѣ, если они покидаютъ точку зрѣнія мелкихъ собственниковъ и переходятъ на точку зрѣнія пролетаріевъ.

Вообще необходимо помнить, что сицилійское движеніе можетъ быть названо крестьянскимъ только съ большими оговорками. За исключеніемъ небольшой береговой полосы, которая идетъ отъ Марсалы черезъ Палермо и Мессину до Катаніи и отъ Катаніи до Этны, и въ которой преобладаетъ мелкая поземельная собственность и половничество, на всемъ остальномъ пространствѣ „благодатнаго острова“ господствуетъ крупное землевладѣніе, а земледѣльцы являются настоящими пролетаріями**). Замѣтьте еще, что въ области, отличающейся преобладаніемъ половничества и мелкой собственности, союзы были распространены гораздо менѣе, чѣмъ въ пролетарскихъ мѣстностяхъ (тамъ же, стр. 59). Это интересное явленіе, кажется, говоритъ то же не противъ марксизма; вѣроятно, по этой причинѣ г. Гарденинъ и не счелъ нужнымъ довести о немъ до свѣдѣнія своихъ читателей.

*) "Il programnea della scuola marxista."

**) Colajani, gli Avvenimenti, pp. 58-65.

Такъ-назыв. крестьянское движеніе на итальянскомъ полуостровѣ тоже въ весьма значительной степени имѣетъ чисто пролетарскій характеръ: союзы крестьянъ и тамъ чаще всего являются обществами сопротивленія, стремящимися обезпечить сельско-хозяйственному рабочему возможно болѣе выгодныя условія продажи его рабочей силы. Въ доказательство сошлемся на брошюру Иваное Бономи и Карло Веццани*) и на брошюру Джіожани Монтемартини**) „Крестьянскіе“ союзы всего чаще и называются союзами „для улучшенія“ (условій найма)***).

Обо всемъ этомъ г. Ю. Гарденинъ хранитъ въ своей статьѣ самое глубокое молчаніе, а редакція „Вѣстника русской революціи“ тоже не находитъ нужнымъ сказать по этому поводу хотя бы одно маленькое словечко. Молчаливость доходитъ у нихъ въ этомъ случаѣ до курьеза, который не мѣшаетъ отмѣтить.

Желая пристыдить насъ той „позиціей“, которую „заняли въ аграрномъ вопросѣ“ итальянскіе соціалисты, г. Ю. Гарденинъ указываетъ на рѣшеніе, принятое болонскимъ конгрессомъ сельскихъ рабочихъ, состоявшимся въ концѣ 1901 года. Вотъ какой видъ принимаетъ у него это рѣшеніе:

„Принимая во вниманіе, что не смотря на очевидныя различія, раздѣляющія земледѣльческихъ работниковъ — трудящихся за плату, трудящихся изъ доли урожая, мелкихъ арендаторовъ и мелкихъ крестьянъ собственниковъ — всѣ земледѣльческіе работники подвергаются одинаковой эксплуатаціи какъ со стороны частныхъ лицъ, такъ и со стороны государства;

„Принимая во вниманіе, что только дѣятельность всѣхъ эксплуатируемыхъ, основанная на гуманистическомъ и цивилизующемъ принципѣ солидарности, можетъ обезпечить дѣлу моральнаго, политическаго и хозяйственнаго освобожденія трудящагося класса достаточную силу и вѣсъ, —

„Конгрессъ сельскихъ работниковъ высказывается за необходимость объединить въ одномъ національномъ союзѣ всѣ кооперативныя и профессіональныя товарищества: именно, организаціи тѣхъ работниковъ, которыя охватываютъ на основѣ классовой борьбы совокупность слѣдующихъ трудящихся классовъ: сельскихъ батраковъ и чернорабочихъ, издольщиковъ, мелкихъ арендаторовъ и крестьянъ, если послѣдніе самолично обрабатываютъ свою собственную или арендованную землю“.(*)

Тутъ на первый взглядъ кажется, что „позиція“ итальянскихъ соціалистовъ рѣзко расходится съ „позиціей“ марксистовъ: мелкіе производители должны быть объединены въ одномъ союзѣ съ пролетаріями. Но такъ кажется только на первый взглядъ.

Во-первыхъ, г. Гарденинъ привелъ не полный текстъ рѣшенія болонскаго конгресса. Въ полномъ текстѣ находятся еще слѣд., очень важныя строки: „что касается мелкихъ арендаторовъ, издольщиковъ и арендаторовъ, то ихъ пріемъ въ отдѣльныя организаціи сельско-хозяйственныхъ рабочихъ долженъ зависѣть отъ того, насколько они заинтересованы въ тѣхъ улучшеніяхъ, которыхъ эти организаціи добиваются“(**).

*) Il movimento proletario nil mantovano, Milano, 1901.

**) "Le leghe di miglioramento fra i contadini nell'oltrepo pavese"

***) Le leghe di miglioramento.

(*) Вѣстникъ русской революціи, кн. 2-ая, стр. 207-208.

(**) Quanto ai piccoli fittavoli, mezzadrie proprietori, la loro accetazione nelle singole organizzazioni dei lavarotori della ferra deve essere subordinata alfatto che essi siano interessati al miglioramento di quelle categorie cui le dette organizzazione si riferiscouo. Avanti, 26, xi. 1901.

На самомъ дѣлѣ выходитъ, стало быть, такъ: существуютъ организаціи для защиты интересовъ сельско-хозяйственныхъ работниковъ, какъ продавцовъ рабочей силы; и въ эти организаціи принимаются не только сельскіе пролетаріи, но также и мелкіе арендаторы, издольщики и собственники, поскольку они заинтересованы въ борьбѣ этихъ организацій, т. е. поскольку имъ самимъ приходится продавать свою силу. Это совершенно естественно и необходимо. Но тѣ лица, т. е. докладчики болонскаго конгресса, которыя предложили это рѣшеніе, отнюдь не смѣшивали понятіе: мелкій крестьянинъ съ понятіемъ: пролетарій. Если бы они были повинны въ такомъ смѣшеніи, то они не сдѣлали бы оговорки, приведенной нами и опущенной г. Гарденинымъ по свойственной ему молчаливоств; они не сказали бы, что мелкіе собственники и пр. принимаются лишь постольку и т. д.

Во-вторыхъ, дополненіе, предложенное Гатти и принятое громаднѣйшимъ большинствомъ конгресса, предписываетъ, чтобы потребительныя организаціи мелкихъ собственниковъ дѣйствовали по возможности солидарно съ организаціями сельско-хозяйственныхъ работниковъ, но отдѣльно отъ нихъ**) Это дополненіе, о которомъ ни г. Гарденинъ, ни редакція „Вѣстника Р. Р.“ тоже не сказали ни одного слова, съ полной ясностью показываетъ, что итальянскіе соціалисты очень хорошо понимаютъ, какъ велика разница между пролетаріями съ одной стороны и мелкими крестьянами съ другой.

До какой степени ясно они понимаютъ это, — видно изъ происходившихъ на болонскомъ конгрессѣ преній. Во время этихъ преній Энрико Ферри — вождь лѣваго крыла итальянскихъ соціалистовъ — прямо требовалъ, чтобы мелкихъ собственниковъ совсѣмъ не принимали въ рабочія организаціи, а Филиппо Турати, — вождь праваго крыла, — хотя и возсталъ противъ этого требованія, но единственно потому, что, по его его словамъ, мелкій собственникъ — на половину рыба, на половину птица; что иногда въ немъ преобладаетъ одинъ характеръ, а иногда — другой и что въ каждомъ данномъ случаѣ преобладаніе того или другого характера зависитъ отъ мѣстныхъ условій*). Принятое конгрессомъ рѣшеніе ближе къ „позиціи“ Турати. Но эта „позиція“ вполнѣ согласна съ нашей „догмой“. Основная мысль хотя бы нашихъ статей о пролетаріатѣ и крестьянствѣ на Западѣ именно къ тому и сводится, что сельско-хозяйственный производитель представляетъ собой „рыбу“, пока имѣющіяся у него средства производства обезпечиваютъ ему экономическую самостоятельность, и становится отчасти „птицей“, когда оказывается вынужденнымъ время отъ времени продавать свою рабочую силу. И тогда въ немъ преобладаетъ то характеръ „рыбы“, то характеръ „птицы“, смотря по тому, въ какой мѣрѣ онъ производитъ самостоятельно и въ какой мѣрѣ ему приходится работать по найму. Кто понялъ это, тотъ никогда не скажетъ — какъ это говорятъ наши такъ-называющіеся соц.-революціонеры, — что мелкій крестьянинъ и пролетарій принадлежатъ къ одному общественному классу. А именно это и „требуется доказать“.

Партія, старающаяся отождествить мелкаго производителя съ пролетаріемъ, есть партія, мѣшающая пролетаріату отдѣлить свою „позицію“ отъ „позиціи“ мелкой буржуазіи. А мѣшать пролетаріату сдѣлать это — значитъ работать на пользу мелкихъ буржуа и во вредъ рабочему классу. Поэтому… но выводъ ясенъ даже и для тѣхъ, которые были удивлены тѣмъ, что „Искра“ назвала нашихъ „соц.-революціонеровъ“ **мелко-буржуазной партіей**.

*) Ma in sezione separata da essi.   **) Avanti, No. di 25/xi., 1901.

ИЗЪ ЗА РѢШЕТКИ.

Отъ редакціи. Печатаемъ письмо одного изъ осужденныхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ рабочихъ-демонстрантовъ. Мы не рѣшаемся назвать его имя, чтобы не подвергнуть опасности новыхъ репрессалій со стороны враговъ, во власти которыхъ находится нынѣ нашъ самоотверженный товарищъ. Близкіе друзья, безъ сомнѣнія, и безъ подписи узнаютъ свѣтлую личность писавшаго. Для тѣхъ же, кто не зналъ автора лично, печатаемое здѣсь письмо явится завѣщаніемъ всѣхъ тѣхъ, кто вмѣстѣ съ нимъ вырванъ изъ нашихъ рядовъ, кто съ такой же смѣлостью и беззавѣтностью продолжалъ на скамьѣ подсудимыхъ бороться за дѣло соціаль-демократіи.

Мы хотѣли бы сказать нѣсколько словъ по поводу взглядовъ автора на роль подсудимыхъ въ политическомъ процессѣ. Теперь, когда правительство начало мѣнять свою тактику въ политическихъ дѣлахъ и судебное разбирательство можетъ предстоять каждому соціалисту, — весьма важно намѣтить правильную тактику, которой должны держаться на судѣ революціонеры.

Протестъ противъ всякаго чиновничьяго суда долженъ быть заявленъ нами въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, — въ этомъ авторъ правъ. Но такой протестъ не требуетъ „отказа отъ всякой защиты“ и, тѣмъ болѣе, отъ произнесенія рѣчей на судѣ. Наше участіе въ судѣ есть продолженіе нашей борьбы на волѣ и, какъ въ этой борьбѣ мы не ограничиваемся тѣмъ, что протестуемъ, но и разоблачаемъ въ подробностяхъ политику нашего врага и агитируемъ противъ него и въ пользу нашихъ идей, — такъ и на судѣ мы должны активно раскрывать всю гниль царскаго „правосудія“ и развивать нашу программу. Вотъ почему участіе въ судебномъ слѣдствіи въ цѣляхъ разоблаченія пріемовъ жандармскаго дознанія и пользованіе правомъ последняго слова — для защиты своихъ убѣжденій, — представляются важнымъ орудіемъ политической борьбы нашей партіи, отъ употребленія котораго намъ не приходится отказываться. Мы укажемъ здѣсь на примѣръ такого политическаго дѣятеля, какъ Желябовъ. Въ процессѣ 1 марта Желябовъ протестовалъ противъ самого суда, но это ему не помѣшало воспользоваться всѣми своими правами для продолженія борьбы и въ теченіе судебнаго слѣдствія и въ защитительной рѣчи. И было бы большимъ урономъ для дѣла, если бы Воеводинъ, Заломовъ, Самылинъ и др. осужденные сошли со сцены, не сказавъ своихъ последнихъ агитаціонныхъ рѣчей. Что касается взгляда тѣхъ, которые подчеркиваютъ необходимость „беречь силы для будущаго“, то само собой разумѣется, что руководство исключительно однимъ этимъ соображеніемъ не можетъ быть признано правильнымъ. На судѣ революціонеръ представляетъ, какъ ни какъ, передъ извѣстной частью общества свою партію и обязанъ выполнить эту роль съ достоинствомъ. Но это, конечно, еще не значитъ, что революціонеръ при всякихъ условіяхъ долженъ идти на встрѣчу обвиненію и собственными признаніями выручать судей изъ затруднительнаго положенія, въ какое они часто попадаютъ, благодаря отсутствію матеріальныхъ уликъ. А безцеремонность нашихъ обвинителей такова, что они не отказываются и не будутъ отказываться отъ привлеченія къ суду тѣхъ или другихъ лицъ на основаніи одного „внутренняго убѣжденія“. Извѣстно, что въ саратовск. процессѣ одна изъ обвиняемыхъ была осуждена, благодаря тому, что заявила о своей солидарности съ товарищами, хотя прокуроръ отказался отъ тѣхъ данныхъ жандармскаго дознанія, которыя только имѣлись противъ нея. Очевидно, что въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ добиваться (кассаціей) оправданія. Тамъ, гдѣ можно судъ заставить оправдать обвиняемаго за недостаткомъ уликъ, это должно быть сдѣлано, ибо мы слишкомъ бѣдны силами, чтобы отдавать ихъ добровольно во власть врага. Дѣло такта революціонера, дѣло его революціоннаго чутья — понять, когда чисто-юридическая почва самозащиты должна быть покинута...

Мы надѣемся, что партія наша займется этимъ важнымъ вопросомъ. Пока же пожелаемъ широкаго распространенія печатаемому нами письму „изъ за рѣшетки“, которое не одного молодого борца заразитъ своимъ идеалистическимъ энтузіазмомъ.

* * *

„Здравствуйте товарищи! Шлю вамъ свой горячій привѣтъ и лучшія пожеланія. Насъ долго занималъ вопросъ о кассаціи. Думали, что кассація необходима для того, чтобы лишній разъ показать, что у насъ нѣтъ законовъ, что у насъ царитъ произволъ и что даже такое высшее судебное учрежденіе, какъ сенатъ, является простымъ орудіемъ въ рукахъ правительства и что онъ готовъ каждую минуту въ корень нарушить даже тѣ законы, хранителемъ которыхъ онъ является. Разбирая полезность кассаціи съ этой стороны, мы упустили изъ виду, что она можетъ дурно подѣйствовать на малосознательныя массы, которыя не смогутъ разобраться въ юридическихъ тонкостяхъ и припишутъ вамъ желаніе, котораго у насъ нѣтъ и не было, а именно желаніе смягчить свою участь. Подобное послѣдствіе, какъ роняющее настроеніе, созданное демонстраціей, разумѣется, для насъ страшно нежелательно и когда мы лучше разобрались въ этомъ вопросѣ, то рѣшительно отказались отъ кассаціи. Подали кассацію только тѣ лица, которыя на судѣ не признали себя сознательными участниками демонстраціи. Не знаю, какъ вы находите мою рѣчь; я, со своей стороны, очень ею недоволенъ. Она недостаточно продумана и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прямо натянута. Постараюсь объяснить вамъ, отчего она вышла у меня неудовлетворительной. Надо вамъ сказать, что я вообще противъ тактики, которой мы держались на судѣ, и примкнулъ къ ней чисто изъ чувства товарищества. Я сначала вдвоемъ, а потомъ одинъ противъ всѣхъ, отстаивалъ совершенно противоположную тактику. Я настаивалъ на томъ, что мы должны отказаться отъ всякой защиты, что должны сами заявить на судѣ о томъ, что не признаемъ надъ собой никакого суда, что всякій судъ надъ собой признаемъ насиліемъ, а судей — простымъ орудіемъ въ рукахъ правительства, которое не останавливается ни передъ какими средствами, чтобы сломить своихъ враговъ. Я думалъ раньше и теперь такъ думаю, что при такой тактикѣ получилось бы болѣе яркое и сильное впечатлѣніе отъ всего нашего процесса. И мой совѣтъ товарищамъ держаться въ будущемъ подобной тактики. Вамъ, навѣрное, интересно знать, какъ пришло большинство осужденныхъ теперь къ рѣшенію говорить на судѣ и какъ бы признать законность суда? У насъ было три направленія: первое, котораго я придерживаюсь, я уже описалъ; второе заключалось въ томъ, что мы, дескать, должны беречь свои силы для будущаго и сдѣлать все отъ насъ зависящее, чтобы получить болѣе мягкое наказаніе; третьимъ направленіемъ было то, котораго и держалось на судѣ большинство осужденныхъ. Споровъ, и самыхъ оживленныхъ, конечно, была масса, такъ что долго не могли придти къ какому-нибудь опредѣленному рѣшенію. Одно время думали, что само собой выйдетъ такъ, что мы окажемся безъ защитниковъ. Какъ вамъ уже извѣстно, въ самый разгаръ нашихъ разногласій у насъ произошло столкновеніе съ тюремной администраціей, кончившееся голодовкой. Мы отказались тогда не только отъ пищи, но и отъ прогулокъ, и отъ свиданій, а, слѣдовательно, связь наша съ внѣшнимъ міромъ была нарушена. Для подачи заявленія о желаніи имѣть защитника намъ дали недѣльный срокъ и онъ могъ пройти раньше того времени, когда мы вновь могли бы снестися съ внѣшнимъ міромъ. Итакъ, мы думали, что голодовка затянется и мы не будемъ имѣть возможности снестись съ адвокатами и вопросъ о защитѣ падетъ самъ собой. Я былъ отправленъ въ больницу и попалъ въ тюрьму какъ разъ въ послѣдній день срока, въ который можно заявить о желаніи имѣть защиту. Прибывъ въ тюрьму, я узналъ, что всѣ уже подали заявленія и что, слѣдовательно, въ обоихъ процессахъ будетъ защита. Мое предложеніе было провалено и я тоже присоединился къ остальнымъ. У насъ было очень мало времени для того, чтобы, какъ слѣдуетъ, обдумать свои рѣчи на судѣ. Я, напримѣръ, набросалъ свою рѣчь въ самое послѣднее время въ теченіе сутокъ. О серьезной ея обработкѣ не могло быть и рѣчи, такъ какъ въ воскресенье у насъ были защитники, съ которыми мы провели большую часть дня, а въ понедѣльникъ насъ подняли въ четыре часа утра и отвели въ судъ. Еще одно обстоятельство мнѣ сильно повредило. Защитники увѣряли насъ, что мы не должны допускать въ своихъ рѣчахъ никакой рѣзкости и что въ противномъ случаѣ насъ совсѣмъ могутъ лишить слова. Разумѣется, разъ уже мы пригласили защитниковъ и рѣшили говорить на судѣ, то намъ во чтобы то ни стало надо было высказаться. Пришлось приспособляться, стараться придать рѣчи болѣе мягкую форму и въ то же время все сказать. А знаете вы басню Крылова, въ которой говорится: „Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги точать пирожникъ?“ Такъ и мы до нѣкоторой степени взялись не за свое дѣло. Гдѣ же тамъ у чертей мы привыкли рѣчи говорить, а тутъ хочешь не хочешь, пришлось говорить! Мнѣ теперь страшно досадно, что я не смогъ провести свой взглядъ на судъ и что не употребилъ всѣ возможныя, находящіяся у меня въ рукахъ средства. Ну, да теперь ужъ поздно, — „снявши голову, по волосамъ не плачутъ!“ Вотъ если бы снова пришлось намъ судиться! Я думаю, что нашимъ опытомъ воспользуются другіе — идущіе за нами.

Мы теперь вычеркнуты изъ списка живыхъ и опасаемся, что на менѣе сознательныхъ рабочихъ полученное нами наказаніе произведетъ дурное впечатлѣніе, запугаетъ ихъ до нѣкоторой степени. Я бы дорого далъ за то, чтобы опасенія эти не оправдались. Тамъ, на волѣ, все представляется въ болѣе ужасномъ видѣ. На самомъ же дѣлѣ всѣ ихъ наказанія — сущіе пустяки. Самое большее, что въ ихъ власти, это то, что они могутъ отнять у насъ жизнь. Вотъ если бы они могли отнять у насъ наши убѣжденія, — это было бы, дѣйствительно, ужасно. У насъ противъ нашихъ враговъ имѣется сильнѣйшее оружіе, — это вѣра въ правоту нашего дѣла, вѣра въ близкую побѣду, вѣра, что на наше мѣсто встанутъ товарищи, болѣе сильные духомъ, чѣмъ мы, вѣра въ то, что съ каждымъ днемъ число борцовъ за свободу и справедливость увеличивается и что борцы эти на полдорогѣ не остановятся, доведутъ свое дѣло до конца и отдадутъ всю свою кровь до капли за наше дѣло. Я скажу вамъ, что за все время моего сидѣнія въ тюрьмѣ ни разу мной не овладѣвала слабость, — напротивъ, настроеніе все время повышенное. Я только жалѣю, что не получилъ образованія, такъ какъ образованный человѣкъ можетъ сдѣлать гораздо больше, чѣмъ мало развитый, а я чувствую за собой слабость въ этомъ отношеніи. Я теперь совершенно убѣдился, что тюрьма не въ состояніи сломить ни энергіи, ни силы убѣжденія; она, напротивъ, закаляетъ человѣка, дѣлаетъ его болѣе непримиримымъ — и я говорю не по теоріи, а самъ на себѣ испытавши все это. Я жалѣю объ одномъ: что такъ мало могу дать нашему родному дѣлу — дать только одну жизнь!... Я бы пошелъ теперь на муки, на пытки, а мнѣ дали... всего вѣчную ссылку.

Шлю я всѣмъ товарищамъ свой горячій, братскій привѣтъ. Пусть меня лихомъ не поминаютъ. Я знаю, что дѣлалъ много ошибокъ, знаю, что мной многіе были недовольны. Меня можно упрекнуть во многомъ, но если я и поступалъ иногда, не соглашаясь съ мнѣніемъ своихъ товарищей, то мной руководило исключительно желаніе больше сдѣлать для общаго великаго дѣла. Въ этомъ дѣлѣ заключается весь смыслъ, вся цѣль, всѣ наиболѣе страстныя желанія моей жизни.

Да! Я теперь вычеркнутъ изъ жизни! Но пока у меня останется хоть капля крови, во мнѣ не умереть неудержимо-страстное стремленіе къ свободѣ, не умереть твердая вѣра въ нашу неизбѣжную побѣду надъ врагомъ. Да! Жизнь идетъ впередъ. Она требуетъ все больше и больше самоотверженности и стойкости у борцовъ за свободу. И мы пойдемъ ей на встрѣчу, товарищи; мы отдадимъ ей всѣ наши лучшія силы безъ остатка. Счастливцы мы, что живемъ въ такое славное время. Намъ не приходится искать пути въ безпросвѣтномъ мракѣ, какъ приходилось это дѣлать людямъ, расчищавшимъ намъ путь. Насъ не мучаютъ сомнѣнія, то-ли дѣло мы дѣлаемъ, которое нужно, необходимо для блага народа. Передъ нами лежитъ широкая прямая дорога, въ концѣ которой виденъ входъ въ болѣе свѣтлую жизнь. Правда, — на этой дорогѣ много препятствій, но мы польемъ эту дорогу своею кровью и заполнимъ рытвины своими тѣлами, и ничто ужъ не остановитъ побѣднаго шествія борцовъ за народное счастье и свободу. Да! счастливы мы, что не родились сотней лѣтъ позднѣе, что имѣемъ возможность отдать свои слабыя силы за дѣло и счастье всего человѣчества!

Что еще сказать вамъ? Я отъ всей души обнимаю своихъ товарищей по дѣлу и желаю имъ больше счастья, больше успѣха въ ихъ дѣлѣ. Нравственная связь между нами никогда не порвется, хотя насъ будутъ раздѣлять громадныя пространства. Крѣпко жму руки. Привѣтъ вамъ, смѣлыя сердца!“

О ДВУЛИКОЙ ДЕМОКРАТІИ.

Грандіозные митинги, изо дня въ день сходящіеся подъ открытымъ небомъ, въ виду лѣя штыковъ. Тысячи народа, внимающія рѣчамъ оратора. Громада-толпа, сомкнувшая ряды вокругъ трупа товарища. Громада, дерущаяся какъ левъ, ломая казацкія пики, обезоруживая непріятеля...

Мы не знаемъ въ исторіи нашего движенія другого момента, равнаго — по трагической красотѣ и историческому смыслу — этой провинціальной стачкѣ!

А между тѣмъ, посмотрите: ростовская стачка проходитъ, на добрую долю, мимо сознанія современнаго зрителя. Какъ напряженно слѣдила оппозиціонная Россія 1896 года за всѣми перипетіями петербургскихъ событій. Стачка ткачей казалась своего рода откровеніемъ, прообразомъ возможнаго и близкаго освобожденія. Рабочій человѣкъ сталъ вдругъ à l'ordre du jour, тѣмъ магнитомъ, къ которому влекутся сердца и тянутся мысли.

Прошло шесть съ половиною лѣтъ. Молодое движеніе разрослось, окрѣпло. Одинокіе когда-то побѣги развѣтвились и покрыли своей сѣтью Россію. Гдѣ только высится фабричное зданіе и раздается заводскій гудокъ, тамъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе шевелится трудящаяся масса и все болѣе разгорается революціонный протестъ. И вотъ, наконецъ, эпопея въ Ростовѣ...

О происшедшемъ въ Ростовѣ говорятъ, какъ говорятъ и о многомъ другомъ въ наше богатое новинками время: о сельскохозяйственныхъ комитетахъ, о воронежскихъ земцахъ, о выстрѣлѣ Качура, объ амнистіи ссыльнымъ студентамъ. Но странное дѣло: вниманіе демократіи — вообще взбудораженное — регистрируетъ наше событіе, не связывая съ нимъ какихъ-либо повышенныхъ надеждъ.

Почему же? — Да потому, что вчерашній „магнитъ“ потерялъ свою силу, потому что широкіе слои интеллигенціи, даже революціонно-настроенной, ушли изъ сферы его притяженія. Конечно, пробуждающійся пролетаріатъ — не прежнее неподвижное крестьянство, и нынѣ переживаемое демократіей настроеніе во многомъ не походитъ на старый эпизодъ интеллигентнаго отказа отъ народа. Пролетаріата — по нынѣшнимъ временамъ — нельзя скинуть со счетовъ ни одной изъ разновидностей современныхъ теченій. Отсюда неизбѣжное слѣдствіе — специфическая форма новѣйшаго „разочарованія“: идея пролетаріата, руководящаго освободительной борьбой, смѣняется идеей освободительной борьбы, въ которой пролетаріату отведено подчиненное мѣсто.

„Культурное и политическое освобожденіе Россіи не можетъ быть ни исключительно, ни преимущественно дѣломъ одного класса, одной партіи, одного ученія“ — говоритъ демократія устами литературнаго своего представителя — „разочарованнаго“ г. Струве (см. „Освобожденіе“ № 1).

„Что могутъ интеллигенція и пролетаріатъ безъ крестьянства, а тѣмъ болѣе вопреки крестьянству?“ — спрашиваетъ болѣе активная часть той же демократіи, такъ называемые соціалисты-революціонеры. И отвѣтъ гласитъ — ничего. Даже и въ томъ случаѣ, если крестьянство останется нейтральнымъ, оно въ лицѣ своихъ сыновъ, одѣтыхъ въ солдатскіе мундиры, затушитъ поднявшійся пожаръ. Тогда одинъ только „неуловимый и непобѣдимый“ терроръ, быть можетъ, спасетъ еще положеніе (см. „Революц. Россію“, № 8 „Отъ крестьянскаго союза партіи соціалистовъ-революціонеровъ“).

Поворотъ въ умахъ демократіи — совершившійся фактъ. Но подготовлялся этотъ поворотъ исподволь, долго, рядомъ воздѣйствій, бившихъ въ одну точку, измѣняя представленіе демократіи о возможномъ соотношеніи общественныхъ силъ. Демократія весьма скоро замѣтила начинающееся броженіе пролетаріата — уже при первыхъ его дебютахъ. Дебюты поразили ее, но не дали ей разумѣнія. Она не понимала и не могла понимать движенія, въ существенныхъ своихъ частяхъ невидимаго взору сторонняго зрителя. Только нарочито острые и сравнительно рѣдкіе — особенно въ началѣ движенія — моменты выступали на свѣтъ широкой общественности. Наоборотъ, повседневные, будничные факты, тѣ несчетныя слагаемыя, которыя, суммируясь, и составляютъ душу движенія, которые ростятъ и формуютъ борцовъ, проходили, не оставляя слѣдовъ въ сознаніи, или представлялись малоинтересными, стоящими внѣ связи съ основною мечтой демократіи. И даже тогда, когда революціонно-настроенная часть ея, уже много позже, сдѣлала попытку подойти къ рабочимъ массамъ, она принесла прежде всего — свой грузъ демократическаго непониманія. Въ гордомъ сознаніи „революціоннаго“ превосходства, она сумѣла лишь сверху внизъ взглянуть на всю предшествовавшую ей „муравьиную“ „почти культурную“, „съ двухвершковымъ размахомъ“ работу и всѣ „формы“ многолѣтней пролетарской „борьбы“ — ничто же сумняся — приравнять къ „экономизму“*).

У демократіи не нашлось элементарныхъ предпосылокъ для пониманія того механизма, при посредствѣ котораго совершается ростъ политическаго сознанія въ массахъ. У нея не оказалось и надлежащаго масштаба для опредѣленія темпа рабочаго движенія. Движеніе выросло вширь и вглубь, но не произвело еще осязательнаго для всѣхъ эффекта. Рабочій становился съ каждымъ днемъ все сознательнѣе, но готовый революціонный боецъ не выходилъ изъ него — со вчера на сегодня — какъ Минерва изъ Юпитера. Вѣдь, рабочій народъ не демократическая интеллигенція, такъ легко воспламеняющаяся и такъ же легко потухающая. Идея, чтобы стать достояніемъ массы, должна войти въ плоть и кровь этой массы, ощутиться ею, какъ нѣчто конкретное. Естественно, что — при такихъ условіяхъ — пробужденіе рабочаго класса казалось нестерпимо медлительнымъ и уже, конечно, не отвѣчающимъ на тѣ запросы, которые предъявляла къ нему ищущая опоры демократія. Улита ѣдетъ, когда то будетъ! Интересъ, первоначально возбужденный пролетаріатомъ, слабѣлъ, и надежды, къ нему пріуроченныя, облетали, что засохшіе листья, по мѣрѣ того, какъ демократія сама начала шевелиться, а вновь возникающіе центры броженія все болѣе отвлекали къ себѣ вниманіе. Студенческая среда явилась первымъ подобнымъ центромъ. Какъ и вся демократія, она впитала въ себя то возбужденіе, которое шло къ ней изъ рядовъ пролетаріата, но, разъ впитавъ, развила его въ самостоятельное движеніе съ большой притягательной силой и съ долгое время нараставшимъ вліяніемъ. Въ противоположность броженію рабочихъ массъ, здѣсь все было значительно и важно для демократіи. Каждый шагъ находилъ себѣ резонансъ, всякая мелочь подхватывалась молвою. Тысячи нитей пролегали между учащейся молодежью и оппозиціонно-настроеннымъ обществомъ. Все было свое, близкое, въ чемъ каждый членъ этого общества заинтересованъ кровно, а не только отраженно, черезъ посредство болѣе или менѣе отдаленныхъ цѣлей. Что дальше, то больше дѣло молодежи становилось дѣломъ всей демократіи. Вмѣстѣ со студентами спустилась демократія на улицу. Вмѣстѣ со студентами прошла черезъ эволюцію борьбы обостряющейся и несвязанной органически съ массами. Вмѣстѣ болѣла она и вмѣстѣ радовалась. Дѣйствительные или кажущіеся успѣхи движенія подымали духъ демократіи, измѣняли ея представленіе о собственныхъ силахъ, о ея возможномъ значеніи.

Правда, полицейскія репрессаліи сыпались градомъ. Свободолюбивое студенчество исключалось, сдавалось въ солдаты, ссылалось въ Сибирь. И тѣмъ не менѣе, въ правительственной машинѣ — при полномъ ходѣ назадъ — начинали чувствоваться какъ бы колебанія. Послѣ хлещущей нагайки — эра сердечнаго попеченія. Посреди оргій политическихъ процессовъ — *внезапная* „амнистія“ московскимъ студентамъ. Врагъ не только *крушитъ*, но и обхаживаетъ; не только куражится властью, но и пускается на военныя хитрости — вѣрный симптомъ не вполнѣ увѣренной въ себѣ силы!

Опытъ студенческаго движенія, обнадеживая, казалось, говорилъ о возможности самостоятельнаго пути демократическаго развитія. Демократія нѣтъ необходимости приспособляться во что бы то ни стало къ движенію массъ и ждать отъ массъ рѣшающаго слова. Напротивъ того, — умѣло пользуясь массами и развивая въ то же время собственную независимую программу дѣйствій, демократія скорѣе всего пристанетъ къ завѣтной пристани конституціоннаго режима.

И въ самомъ дѣлѣ, въ связи съ этимъ „опытомъ“, привившимся на почвѣ, удобренной разочарованіемъ, стоитъ появленіе новѣйшихъ вѣяній въ русской демократіи. Только освободивъ сознаніе отъ угнетавшаго ее призрака пролетарской гегемоніи и демократическаго безсилія, демократія ощутила, наконецъ, въ себѣ силы — освободить и свою логику изъ плѣна соціалистической теоріи.

Вмѣстѣ съ ростомъ политическаго возбужденія, шедшаго изъ очаговъ университетскихъ волненій, демократія все сильнѣе охватывало равнодушно-скептическое отношеніе къ интересамъ соціалистическаго развитія. Эмансипированному отъ пролетаріата общественному слою не надо было болѣе приспособлять соціалистическаго ученія къ потребностямъ своей психологіи. Вступивъ на путь „самостоятельнаго“ дѣйствія, демократія выбрасывала за бортъ, какъ ненужный для своего полета балластъ, всѣ ранѣе занимавшія ее положенія. Ненавистна, конечно, „ортодоксія“; но излишня, пожалуй, и „критика“. Освобожденная демократія не нуждается въ иномъ лозунгѣ, какъ — бей самодержавіе! — и признаетъ лишь велѣнія момента. Вотъ почему, какъ послѣдняя переходная ступень къ откровенному разрыву съ обветшалой традиціей, какъ своего рода приготовительный классъ для формирующейся либеральной демократіи, началъ распространяться и пріобрѣтать значеніе въ кругахъ интеллигенціи тотъ видъ покладистаго — съ позволенія сказать — „соціализма“, который удачно сочетаетъ размашистую революціонную внѣшность — столь существенно необходимую для успѣха въ наше бурно-подвижное время — съ пустопорожнимъ нутромъ, наполняемымъ каждымъ по желанію. Но въ то время, когда часть демократіи еще хранитъ — какъ хранятъ никуда ни къ чему непригодныя, но почему либо памятныя вещи — безразличную оболочку соціализма — во имя годами закрѣпившейся связи между соціалистическими тенденціями и революціоннымъ настроеніемъ русской молодежи, другая ея часть шествуетъ бойко впередъ по пути ликвидаціи старыхъ понятій.

Мы рекомендуемъ товарищамъ обратить свое вниманіе на новѣйшую profession de foi этой эмансипированной демократіи. Въ 14-мъ № „Освобожденія“ помѣщено „открытое письмо“ сосланныхъ въ В. Сибирь студентовъ Москвы и Петербурга, — „всѣхъ, за исключеніемъ немногихъ“. Въ этомъ письмѣ нѣтъ, конечно, и зерна соціализма, но нѣтъ и его суррогатовъ, за то есть послѣдовательно проведенная точка зрѣнія либеральной демократіи, только что произведшей себя — подъ опьяняющимъ впечатлѣніемъ студенческихъ исторій — въ „авангардъ“ освободительной борьбы, въ „высшаго представителя русской культуры“.

„Студенческія волненія — говоритъ этотъ примѣчательный документъ — встряхиваютъ все русское общество отъ его самыхъ верхнихъ командующихъ до глубокихъ и угнетенныхъ слоевъ; ... Они дѣлаются яркимъ и истиннымъ выраженіемъ общественн-

*) См. „Рев. Россію“, № 6 ст. „Прежде и теперь“, стр. 3 и 4.

наго мнѣнія... Они пріучаютъ общество къ тому, что создало славу и свободу Англіи, — къ мужественной борьбѣ за поруганное право; *они заставляютъ правительство со скрытою боязнью задуматься надъ положеніемъ дѣла; они ставятъ ему преграду въ его безпредѣльномъ и безудержномъ самовластіи*“ (курсивъ нашъ). „*Неумирающее студенческое движеніе — одно изъ лучшихъ средствъ*“ къ тому, чтобы „дать понять“ правительству „*самымъ рѣшительнымъ образомъ*“, что оно должно уступить *такъ или иначе*: кто не подчиняется исторической необходимости, тотъ сметается ею съ лица земли“.

Интеллигенція — „авангардъ“, народъ — „армія“ (тамъ же), идущая за нимъ слѣдомъ. Такова формула, подсказанная студенческимъ движеніемъ. Народъ есть „стихійная могучая сила“, безъ содѣйствія которой не обойтись современному „авангарду“, какъ нельзя войску, осаждающему вражескую крѣпость, обойтись безъ „стѣнобитныхъ машинъ“ и всяческой пиротехники. Народъ — разящая дубина, демократическая интеллигенція — рука, направляющая эту дубину. И не только рука, но и самодовлѣющій политическій факторъ, который заставляетъ правительство съ „боязнью“ задумываться, который „ставитъ преграды“ его „самовластію“, который представляетъ „одно изъ лучшихъ средствъ“ „дать понять“ правительству о необходимости уступокъ. А разъ это такъ, отчего бы демократіи, отходящей отъ массъ въ сферу самостоятельнаго дѣйствія, не усовершенствовать своей „программы“ и не примѣнить къ противнику тактики, столь свойственной меньшинству, вступившему на путь единоборства. Демократіи, увидавшей въ студенческихъ волненіяхъ ни больше ни меньше, какъ „преграду безпредѣльному и безудержному самовластію“, не трудно придти — рано или поздно — къ террористическимъ выводамъ.

И она, дѣйствительно, пришла къ этимъ выводамъ. Зрѣлище энергичныхъ студенческихъ группъ, дѣйствующихъ на собственный страхъ и производящихъ сенсацію въ „обществѣ“, создало ту психологическую основу, на которой расцвѣли террористическія надежды демократіи. *Терроръ, явившійся въ результатѣ перемѣстившагося вниманія демократіи отъ пролетарскихъ массъ къ интеллигентному меньшинству, въ свою очередь, оказался весьма дѣйствительнымъ средствомъ для дальнѣйшаго отвлеченія демократіи отъ задачъ рабочаго движенія.* Не рабочее движеніе вынесетъ на плечахъ своихъ свободу Россіи, а кучка рѣшительныхъ людей: она — эта кучка — „не позволитъ проливать народную кровь“, она „заступится“ за крестьянъ и рабочихъ, она „добьется“, чтобы рабочее и крестьянское движеніе могло свободно развиваться“ (слова соціалиста-революціонера Качура, см. „Р. Р“. № 10).

Наконецъ, подъ впечатлѣніемъ крестьянскихъ бунтовъ, измѣнилось у демократіи и самое представленіе массы. Крестьянская масса стала массой по преимуществу. Что значатъ какія нибудь сотни тысячъ рабочихъ передъ многомилліонной громадой деревенскаго люда? Рабочій народъ незамѣтно уходилъ изъ кругозора демократіи, исчезая въ необъятномъ морѣ крестьянскихъ головъ, сократившись почти до размѣровъ демократической интеллигенціи. Демократія опять, какъ и въ старые годы, связала съ крестьяниномъ свои комбинаціи на будущее. Истинный характеръ начинающагося движенія, цѣли его и его отношеніе къ борьбѣ пролетаріата — эти вопросы стушевались всѣ передъ однимъ, основнымъ и для демократіи единственно важнымъ — передъ вопросомъ о политическомъ использованіи крестьянскаго движенія. Крестьянство — многоголосый хоръ, солистка-демократія, на фонѣ вторящаго хора поющая собственную арію — для такого политическаго сотрудничества годилось даже и стихійное, даже и малосознательное движеніе неорганизованныхъ массъ и *численность* крестьянской толпы становилось на первую очередь. Крестьянство пріобрѣтало для демократіи специфическое значеніе и сознательно или безсознательно — измѣнялось отношеніе демократіи къ крестьянству. Она заражалась, какъ и встарь, „народолюбіемъ“ и обращалась къ давно отвергнутымъ тезисамъ, потому-что эти тезисы сплетались въ ея представленіи съ возможною ролью крестьянства въ предстоящемъ освобожденіи. Обрывки омертвѣлаго народничества оживали и завоевывали себѣ почву въ демократіи, въ средѣ, гдѣ — казалось — еще недавно покончили всѣ разсчеты съ отжившимъ ученіемъ.

* * *

Мы набросали въ предыдущемъ характеристику поворота, продѣланнаго за послѣдніе годы демократіей, — отъ пролетарской борьбы къ самостоятельной дѣятельности. Но сама демократія есть клубокъ разнородныхъ элементовъ, объединяемыхъ въ одно цѣлое общими чертами соціальнаго положенія и обусловленной имъ психологіи, съ присущими, однако, каждому элементу индивидуальными особенностями, со способностью по своему реагировать на привходящія измѣненія. Впечатлѣнія, вызвавшія демократическій поворотъ, осѣдали въ отдѣльныхъ слояхъ демократіи, своеобразно преломляясь въ каждомъ изъ нихъ и создавая то разнообразіе формъ и оттѣнковъ, которыми въ настоящій моментъ такъ пестритъ демократія. Все спутано въ этомъ калейдоскопѣ и не сразу улавливаетъ глазъ изъ-за поверхностныхъ и проходящихъ настроеній господствующія тенденціи основнаго процесса. Не улавливаетъ потому, что групповыя — оффиціальныя — перегородки далеко не во всемъ совпадаютъ съ тѣми живыми перегородками, которыя существуютъ между отдѣльными демократическими теченіями въ дѣйствительности, и случайныя комбинаціи сегодняшняго дня передвигаютъ перспективу, сближая разнородное и заставляя являться въ различныхъ партійныхъ сочетаніяхъ элементы одной формаціи. Демократія то еле видиѣтся, заслоненная фигурою умѣреннаго земца, то утопаетъ въ потокахъ соціалистической фразеологіи. И все же, въ этомъ хаосѣ оттѣнковъ не трудно различить двѣ основныя разновидности — правый и лѣвый фланги демократіи.

Лица свободныхъ профессій — адвокаты, врачи, литераторы, служащіе въ земскихъ и другихъ общественныхъ учрежденіяхъ, — въ большинствѣ поколѣніе 90-хъ годовъ, — вотъ главный контингентъ демократической правой. Въ ней много бывшихъ „марксистовъ“ и бывшихъ народниковъ, вообще много бывшихъ людей, растерявшихъ свое credo, но подхваченныхъ волной возбужденія. Не принимая непосредственнаго участія въ эксплуатаціи труда капиталомъ и крестьянина помѣщикомъ, эта „правая“ готова смотрѣть на крестьянскія волненія, подобно тому, какъ уже раньше смотрѣла на движеніе рабочихъ, — какъ на серьезное подсобное средство при расшаткѣ самодержавныхъ устоевъ. Плоть отъ плоти буржуазнаго строя, она достаточная, однако, реалистка, чтобы не пугаться и не брать въ серьезъ какого бы то ни было „чернаго передѣла“ и какихъ бы то ни было революціонныхъ декламацій „соціалистовъ-революціонеровъ“; и настолько въ то же время дипломатична, чтобы, сочувствуя террористической сенсаціи, не подымать щекотливаго вопроса о боевыхъ способностяхъ „боевой организаціи“. Не вынося революціонную соціаль-демократію, она чувствуетъ, наоборотъ, извѣстную близость къ такъ называемымъ соціалистамъ-революціонерамъ, и, свободная отъ „предразсудковъ“ соціализма, проявляетъ широкую терпимость къ этой слабости демократической лѣвой.

Но у нея есть свой путь и своя собственная форма дѣятельности. Величайшій скептикъ относительно массъ, она полна романтизма по отношенію къ представителямъ имущихъ классовъ. Она вѣритъ въ конституціонную подоплеку будирующаго аграрія и въ современныхъ общественныхъ организаціяхъ провидитъ тотъ единственный рычагъ, который сдвинетъ самодержавную твердыню, подточенную всенароднымъ движеніемъ. Стремясь приспособить къ своимъ цѣлямъ излюбленныхъ земскихъ людей, она — какъ истая оппортунистка — приспособляетъ свои цѣли къ этимъ людямъ, и, презрительно косясь на „мавровъ“ соціаль-демократіи,*) съ восторгомъ идетъ на службу къ „умѣреннымъ земцамъ, — въ „регистраторы“ земской политической мысли.*) Фальцетомъ г. П. Струве она выводитъ рулады, умильно поглядывая на новыхъ друзей, въ ожиданіи движенія воды, и ради прекрасныхъ глазъ г.г. Стаховича и Шипова спѣшитъ заранѣе отречься отъ первичнаго требованія демократіи — отъ всеобщаго избирательнаго права.**)

Если на демократическую правую наложило свою печать поколѣніе 90-хъ годовъ, то характеризующими элементами для *лѣвой* являются тѣ слои интеллигенціи, которые родились для сознательной жизни уже въ бурный періодъ послѣднихъ лѣтъ, въ разгаръ описаннаго нами поворота: такова демократія, вовлеченная въ круговоротъ политическихъ интересовъ недавними событіями, а до этихъ событій мирно дремавшая по градамъ и весямъ, далекая отъ арены пролетарской борьбы, но близкая запросамъ провинціальнаго и деревенскаго укладовъ; такова же, въ особенности, молодежь, выроставшая въ атмосферѣ университетскихъ волненій, съ совершенно опредѣленною ненавистью къ самодержавно-полицейскому строю и со столь же неопредѣленнымъ желаніемъ — всего лучшаго для міра.

Слагавшаяся въ то время, когда событія уже слѣдовали за событіями и взволнованное чувство искало немедленнаго выхода, демократическая лѣвая свободна отъ теоріи, которая неизбѣжно рисуется ей въ видѣ мертвой абстракціи, камнемъ висящей на живомъ организмѣ борьбы. Она свободна и отъ идейной преемственности и не вѣдаетъ даже того, что недавно еще было достояніемъ всего молодого поколѣнія демократіи. Русская демократическая интеллигенція въ свое время очень много мудрила надъ революціоннымъ ученіемъ пролетаріата, но *одной* стороной этого ученія она воспользовалась въ полной мѣрѣ. Вооруженная его аргументаціей, она справилась, наконецъ, съ утопизмомъ, такъ долго тяготѣвшимъ надъ умами, и поколѣніе, прошедшее черезъ школу марксизма, навсегда застраховало себя отъ рецидива допотопнаго народничества. Многіе изъ нынѣшнихъ представителей домократической правой когда то проходили эту выучку. Теперь они вельми приспособились и не прочь — при случаѣ — воскурить оиміамъ тѣмъ „общественнымъ соединеніямъ“ въ крестьянствѣ, которыя тамъ близки душѣ соціалиста-революціонера, и охотно развили бы окрашенную крестьянофильствомъ программу, еслибы только испытующій взоръ Стаховича съ компаніей, покоясь на нихъ, не прилѣплялъ языка ихъ къ гортани. Но, все-таки, они прошли эту выучку, не все позабыли и ужъ, конечно, не способны поддаться фантому крестьянскаго движенія, провозвѣщающаго, якобы, демократичекую — и совсѣмъ „не буржуазную революцію“. Другое дѣло — демократическая лѣвая, новичокъ на общественной сценѣ. Но и она, чтобы дойти до положенія, въ какомъ она находится въ настоящій моментъ, принимая съ благодарностью все, что ни подносится ей прыткими перьями соціально-революціонныхъ писателей, должна была, выйдя изъ состоянія политическаго небытія, вступить въ полосу теоретическаго дѣтства и безпринципной одичалости.

Только при условіи такого „развитія“ становились возможными разговоры о томъ, что „ни одинъ классъ въ Россіи такъ не подталкивается къ чисто политической борьбѣ, какъ именно крестьянство“, что „экономическіе интересы крестьянства... все яснѣе имъ сознаются и складываются въ еще туманномъ, еще неясномъ соціальномъ идеалѣ, до извѣстной степени родственномъ своей тенденціей нашему собственному“, что „погружаясь въ глубины крестьянскаго моря, мы какъ бы опускаемъ кристаллъ революціонизма въ растворъ, пересыщенный для революціонной кристаллизаціи“ (см. „Отъ Крестьянскаго Союза Парт. соц.-рев.“, „Рев. Россія“ № 8, стр. 8 и 13).

Всѣ эти „наглядныя несообразности“ проникаютъ въ среду демократической лѣвой, проникаютъ, потому что представляются производными того пестраго и отнюдь *не* „догматическаго“ направленія, которое господствуетъ надъ умами, являясь въ своемъ культѣ террористической борьбы и интеллигентнаго „авангарда“ лишь выраженіемъ стихійнаго освободительнаго порыва мододой демократіи, а въ своей идеализаціи крестьянства — ея вспыхнувшей надеждей на новый операціонный базисъ. Терроръ и крестьянство — на этихъ двухъ устояхъ покоится идеологія демократической лѣвой.

Демократія умѣренная и демократія революціонно-настроенная — у каждой изъ нихъ свой практическій лозунгъ, свой излюбленный тактическій пріемъ. Онѣ говорятъ на различныхъ жаргонахъ и въ то время, какъ одна изощряется въ дипломатично размѣренныхъ рѣчахъ, другая — не устаетъ козырять своей революціонностью. Тѣмъ не менѣе — противоположности сходятся; подчеркнутыя въ литературѣ „противоположности“ чувствуютъ общность той почвы, на которой стоятъ въ дѣйствительности. Мы уже видѣли характерный документъ — письмо ссыльныхъ студентовъ, которому рукоплещетъ г. Струве за его либерализмъ и въ которомъ, однако, такъ много мотивовъ, принадлежащихъ по праву „соціально-революціоннымъ“ писателямъ. Жизнь сближаетъ отдѣльныя части двуликой демократіи и ставитъ зачастую наблюдателя передъ затруднительнымъ вопросомъ о томъ, гдѣ кончается „соціалистъ-революціонеръ“ и гдѣ начинается сторонникъ „Освобожденія“.

Не такъ давно, объявляя объ изданіи своей газеты, г. Струве обронилъ афоризмъ — объ умѣренныхъ-отцахъ и революціонерахъ-дѣтяхъ. Какъ общее положеніе, афоризмъ не выдерживаетъ критики и не дѣлаетъ чести своему автору. Но онъ пріобрѣтаетъ неожиданный смыслъ, если ограничить его примѣненіе предѣлами современной демократіи. Въ самомъ дѣлѣ, если отцы могутъ служить для дѣтей въ извѣстной мѣрѣ живымъ предзнаменованіемъ ихъ собственнаго будущаго, то мы готовы признать „отцами“ — „умѣренныхъ“ и „соціалистовъ-революціонеровъ“ — „дѣтьми“. Ибо не подлежитъ сомнѣнію — демократическое развитіе идетъ къ выработкѣ типа, гораздо болѣе приближающагося къ правой, чѣмъ къ лѣвой демократіи.

Терроръ! Возможно-ли, однако, сомнѣваться въ томъ, что терроръ допѣваетъ свои пѣсни? Противники террора, мы можемъ еще понимать обаяніе народовольческой тактики, но мы изумились бы нетребовательности и терпѣливому чувству молодой демократіи, продолжающей хранить свою дѣтскую вѣру въ символическіе выстрѣлы такъ называемой „боевой организаціи“. Одиноко, въ кои вѣки раздающійся револьверный разрядъ — есть ли что общаго у этого случайнаго гостя общественной сцены съ тѣмъ, что называется тактическими пріемами политической партіи?

Крестьянство! Но скажите — неужели демократія, которая въ свое время въ ростущемъ рабочемъ движеніи не нашла удовлетворенія своимъ запросамъ и лишь теперь, въ моментъ всеобщаго возбужденія, пытается сбоку къ нему примазаться, — неужели эта демократія когда либо удовлетворится настоящимъ ходомъ крестьянскаго движенія? Голодный крестьянинъ разбираетъ амбары, онъ жаждетъ прирѣзки земли, только кое гдѣ виднѣются мерцающіе проблески политическаго сознанія, занесеннаго волнующимся городомъ въ еще темную деревню. Но этого одного уже довольно: демократія кричитъ, захлебываясь, отъ имени „Крестьянскаго Союза“ — о „пересыщенномъ революціонизмомъ растворѣ“, о „небуржуазной“ революціи. Не трудно предвидѣть, что послѣдуетъ: чѣмъ выше подъемъ неразборчивыхъ восторговъ, тѣмъ больнѣе паденіе, тѣмъ глубже деморализующая реакція грядущаго разочарованія.

И вотъ, когда исчезнутъ надежды на терроръ, полиняютъ мечты о крестьянствѣ, рабочіе дадутъ должный отпоръ легкомысленнымъ вспышкопускателямъ и опустятся крылья революціоннаго порыва, что тогда? — Тогда

Съ насмѣшкою горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ,

и ученика надъ обманувшими его учителями, наша бывшая революціонерка отвернется отъ своего шумнаго прошлаго для того, чтобы найти успокоеніе на груди демократической правой.

Реформизмъ вмѣсто революціонности, скромная конституція вмѣсто грандіозно-широкихъ перспективъ „не буржуазнаго“ переворота, рабочелюбіе и вражда къ соціаль-демократіи, рѣчи отъ имени и во имя народа и принципіальныя уступки буржуазнымъ союзникамъ... Все придетъ въ свое время! „Дѣти“ будутъ достойны „отцовъ“, и современная двуликая демократія завершитъ, наконецъ, свое развитіе въ единомъ и нераздѣльномъ дѣйствіи.

*) „Никогда ни къ какой теоріи я ни въ „мавры“, ни въ рабы или крѣпостные не поступалъ и *поступить не былъ бы способенъ*“ (курсивъ нашъ) — писалъ г. Струве въ іюнѣ 1901 года, раскланиваясь съ русской соціаль-демократіей (см. „М. Б.“ ст. „Противъ ортодоксальной нетерпимости“).

*) См. „Освобожденіе“ № 1, „Отъ редактора“, стр. 6.

**) Статья была уже набрана, когда мы прочли въ № 17 „Освоб.“ о попыткѣ демократической правой порвать свою компрометирующую связь съ гг. Стаховичемъ и Шиповымъ. О новомъ либерально-демократическомъ курсѣ скажемъ въ другой разъ

КАКЪ ОНИ „ПРИМИРЯЮТЪ“.

„Горе тѣмъ, которые говорятъ: миръ, миръ, — а мира нѣтъ. Горе тѣмъ, которые называютъ горькое сладкимъ и сладкое — горькимъ.“

Въ передовой статьѣ № 17 „Рев. Россіи“ наша замѣтка (въ № 31) объ „опекаемомъ студенчествѣ“ объявляется „безтактной“. Почему? Мы стремимся научить студентовъ „легкому ремеслу разъединеній и расколовъ“ вмѣсто того, чтобы преподать имъ курсъ „дружной и солидарной работы“. Упрекъ старый, какъ соціаль-демократія! „Наиболѣе сознательная часть студенчества, говоритъ „Р. Р.“, считала и возможнымъ и нужнымъ создать широкую организацію студенчества на нѣкоторомъ *общестуденческомъ* дѣлѣ“... „неужели же могутъ мѣшать, недоумѣваетъ газета, общестуденческія организаціи революціоннымъ организаціямъ?“ Дѣйствительно, чѣмъ провинились передъ нами „общестуденческія организаціи“? За что мы хотимъ ихъ „уничтожить“, внеся въ ихъ среду „раздѣленіе и разъединеніе, дезорганизацію“, моръ, гладъ и все остальное?... Нашей дезорганизаторской маніи противопоставляется разумъ одесскаго студенчества, заявившаго, что „студенчество въ цѣломъ сходится съ обѣими партіями (соц.-дем. и соц.-рев.) на почвѣ борьбы *за политическую свободу*, видя въ нихъ крупнѣйшую силу въ дѣлѣ сверженія самодержавія“. (Курсивъ нашъ).

Прекрасно. Но гдѣ и когда мы отрицали за студенчествомъ право организоваться на „общестуденческомъ дѣлѣ“? „Студенчество, какъ таковое, писали мы, т. е. какъ коллективный авторъ университетскихъ безпорядковъ, демонстрацій и политическихъ резолюцій, имѣетъ свою физіономію, независимую отъ взглядовъ тѣхъ или иныхъ входящихъ въ его составъ студентовъ. Эта физіономія — демократическая.“ Но если студенчество получило такую физіономію, если оно сдѣлалось агентомъ политическаго революціонизированія русскаго общества, то исключительно благодаря тому, что почувствовало за стѣнами университета революціонное дыханіе пролетаріата. Тяготѣніе революціоннаго студенчества къ рабочимъ есть глубокопоучительный фактъ послѣднихъ лѣтъ. Общестуденческій съѣздъ 1902 г. вполнѣ правильно отразилъ это тяготѣніе, когда выразилъ пожеланіе, чтобы студенческіе комитеты состояли въ сношеніяхъ съ комитетами соц.-демократіи, *какъ партіи пролетаріата*.*)

Вотъ подлинныя слова „Манифеста“, которыя революціонное студенчество никогда не должно забывать: „Констатируя фактъ совмѣстныхъ дѣйствій за послѣднее время студентовъ и рабочихъ, привѣтствуя отъ души это явленіе и выражая желаніе большаго единенія учащейся молодежи и пролетаріата, идущихъ нога въ ногу по пути требованія политической свободы, являющагося первымъ пунктомъ соціалистической программы, съѣздъ находитъ желательнымъ возможно широкую пропаганду соціалистическихъ идей среди студентовъ. Послѣднее необходимо для яснаго пониманія *роли и степени участія пролетаріата въ нашемъ движеніи*. Для лучшаго достиженія этой цѣли съѣздъ находитъ желательнымъ учрежденіе при всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ постоянныхъ организаціонныхъ комитетовъ, состоящихъ въ сношеніяхъ съ мѣстными Комитетами Россійской Соціаль-Демократической Партіи, къ которымъ съѣздъ обращается съ предложеніемъ оказать содѣйствіе проектируемымъ организаціямъ.“

И эту резолюцію мы называли политически-цѣлесообразнымъ актомъ, — ибо поскольку студенчество выступаетъ „на почвѣ борьбы за *политическую свободу*“, оно не можетъ не искать поддержки у революціонной партіи, которая боролась до него, которая борется впереди него, — по скольку оно вступаетъ въ міръ соціалистическихъ идей, оно не можетъ не искать руководства у партіи, опирающейся на принципы научнаго соціализма. Можетъ быть, соціалисты-революціонеры скажутъ, что такую политическую поддержку и такое идейное руководство могутъ представить они сами? Прекрасно! Но вѣдь этимъ не обходится вопросъ *о выборѣ*? Да и нельзя его обойти. Помните, что „революціонная партія“ — только понятіе, только отвлеченіе. Такой партіи нѣтъ. Есть партія соціальдемократическая, есть партія соціалистовъ-революціонеровъ. Можно „сходиться съ обѣими партіями на почвѣ борьбы за полит. свободу, но нельзя заразъ становиться къ обѣимъ въ *опредѣленныя организаціонныя отношенія*, разъ между самими партіями не существуетъ организаціонной связи. Можно объ этомъ жалѣть, можно это порицать, но нельзя это *игнорировать*. Нельзя забывать, что политическій союзъ — какъ бы онъ скроменъ на былъ — налагаетъ на обѣ стороны опредѣленныя политическія обязательства. Студенческій съѣздъ вполнѣ правильно поставилъ вопросъ на почву постоянныхъ „сношеній“, на почву политическаго *союза*, сказали бы мы, еслибъ это не было слишкомъ громко. Отсюда онъ необходимо долженъ былъ придти къ вопросу: союза — съ кѣмъ? И политическій разумъ заставилъ его обратиться въ сторону соціаль-демократіи. Прежніе студенческіе съѣзды не дѣлали такихъ разграниченій, жалуется „Рос. Рев.“ Прежніе съѣзды... Но вѣдь они происходили до вашего рожденія, коллега. Тогда не было *необхдимости* выбора, ибо не было *возможности* выбора. Васъ не было. Соціаль-демократія была одинокой.

Нѣтъ, мы совсѣмъ не джеки-потрошители всякихъ „самостоятельныхъ, намъ не подчиненныхъ“ группъ — не пожиратели организацій, основанныхъ на „общестуденческомъ дѣлѣ“ — „освободительной борьбѣ съ самодержавнымъ режимомъ“. Но мы находимъ нужнымъ за комбинаціей словъ искать комбинаціи понятій. „Борьба съ самодержавнымъ режимомъ?“ — несомнѣнно эта задача лишь съ большими оговорками можетъ быть названа „общестуденческимъ дѣломъ“. Когда союзные совѣты обслуживали нужды взаимопомощи студентовъ, — они не переходили за порогъ университета. Когда лозунгомъ организованнаго студенчества стало требованіе отмѣны временныхъ правилъ или возстановленія устава 1863 г. — движеніе все еще оставалось чисто „академическимъ“. Но репрессіи совершали свое воспитующее дѣло. Школа русской военной службы сдѣлалось для студента военной школой русской революціи. Въ началѣ прошлаго года движеніе стало увѣренной ногою на революціонно-политическую почву. Съ этого момента оно перестало быть *общестуденческимъ*, оно стало общедемократическимъ. Но оно перестало быть и общестуденческимъ, такъ какъ выступленіе на широкую арену демократической борьбы было связано съ расколомъ въ средѣ оппозиціоннаго студенчества: „академики“ съ протестами оставляли сходки, на которыя принимались революціонно-политическія резолюціи. И мы спрашиваемъ нашего грознаго, но несправедливаго обличителя со страницъ „Рев. Рос.“: какъ онъ

*) Мы надѣемся, что и „Р. Р.“ согласится съ нами, что до сихъ поръ она — разумѣется, по независящимъ обстоятельствамъ — не успѣла взять въ свои руки „руководство“ борьбой пролетаріата. Правда, въ брошюрѣ аграрно-соціалистич. Лиги „Воля царская и воля народная“ говорится, что „городской фабричный и заводскій рабочій уже соединяется съ соціалистами и... образуетъ вмѣстѣ съ ними *соціалистическую рабочую партію*“ (жирн. шрифт. въ под.), тогда какъ „точнѣе“ было бы сказать: *соціально-демократическую партію*, — но здѣсь нельзя видѣть, разумѣется, ничего иного, кромѣ желанія не углублять междуфракціонныхъ разногласій.

оцѣниваетъ этотъ расколъ? И какая изъ расколовшихся сторонъ играла прогрессивную роль: та ли, которая требовала, чтобы во имя „студенческаго дѣла" студенты не переходили на почву политики и не измѣняли „трудному дѣлу солидарной работы", — или другая, съ легкимъ сердцемъ усвоившая „ремесло разъединеній и расколовъ"? Мы боимся, что этотъ вопросъ можетъ поселить „расколъ" даже въ дѣвственно-примирительномъ сердцѣ нашего критика...

Пойдемъ далѣе. Кіевскій Союзный Совѣтъ не удержался на голой почвѣ резолюцій 1902 г., — да и не могъ удержаться: его толкала внутренняя логика революціонной работы. Выдвинувъ радикальную **демократическую** программу, студенчество стало лицомъ къ лицу съ задачами революціонной тактики. Къ этому времени благополучно родилась Боевая Организація, — и студенчеству пришлось рѣшать вопросъ о систематическомъ террорѣ. Кіевскій Союзный Совѣтъ сказалъ свое террористическое „да".*) Тѣмъ самымъ онъ сказалъ соціалъ-демократіи свое „нѣтъ". Это его право. Но не перенесъ ли онъ „междуфракціонныя" разногласія въ „общестуденческое дѣло"? И могъ ли онъ ихъ не перенести? И нѣтъ ли тутъ ущерба такъ называемой „дружной и солидарной работѣ"? Или ущербъ устраняется наивно-политиканскимъ заявленіемъ, что „студенчество не можетъ отдавать предпочтенія"?...

А сама „Рев. Рос." объясняетъ ли она оберегаемому ею отъ раскольниковъ студенчеству весь вредъ террористическихъ тяготѣній, отъ нихъ же раздѣленіе, разъединеніе и дезорганизація, — ибо, насколько извѣстно, терроръ не составляетъ „общестуденческаго дѣла"? Нѣтъ, не объясняетъ. Наоборотъ, она находитъ, что студенчество „высказало политическое чутье, выдвинувъ изъ своей среды героя — Карповича". Конечно, въ этой полумистической, полусимволической фразѣ нѣтъ никакого содержанія. Но цѣль ея, разумѣется, — поощрить студенчество къ дальнѣйшимъ проявленіямъ „политическаго чутья". Насколько намъ извѣстно, терроръ не принадлежитъ къ тѣмъ пунктамъ революціонной тактики, которые способствуютъ всеобщему „примиренію". Не думаетъ же „Рев. Рос.", что террористическое „чутье" успѣло сдѣлаться „внѣфракціоннымъ" качествомъ.

Конечно, не думаетъ — и, тѣмъ не менѣе, выражаетъ надежду, что „соціалистическая часть студенчества будетъ стремиться... чтобы студенчество поддерживало всѣми силами всѣ проявленія освободительной и (?) революціонной борьбы — будутъ-ли то рабочія демонстраціи, **террористическіе акты**, (курсивъ нашъ), вродѣ Карповича или Балмашева и т. п." Далѣе отъ той же „Рев. Рос." мы слышали, что „рабочія демонстраціи" могутъ оказывать деморализующее вліяніе и что до поры до времени ихъ умѣстно замѣнить „террористическими актами, вродѣ Карповича или Балмашева." Соціалъ-демократія этого не думаетъ. Какъ же быть опекаемому студенчеству, которое не можетъ „отдавать предпочтенія"?...

Да, пора читателямъ „Рев. Рос." расшифровать немудрые „примирительные" шифры органа „партіи соц.-рев." Пора понять, какъ пустозвонны, какъ фальшивы безбрежныя рѣчи о „примиреніи" и „объединеніи" со стороны тѣхъ людей, которые по всей линіи ведутъ ожесточенную борьбу противъ пролетарскаго міровоззрѣнія!...

Всюду и вездѣ они стараются сѣять скептицизмъ, голый скептицизмъ къ основамъ научнаго соціализма и къ методамъ классовой пролетарской борьбы, — и эту свою „критическую" работу они прикрываютъ глубокомысленно-авторитетными фразами на тему о томъ, что „самостоятельно выработанныя убѣжденія" важнѣе „легко наклеиваемыхъ фракціонныхъ ярлыковъ," что „революціонныя организаціи (не въ примѣръ Искрѣ) могутъ привѣтствовать развитіе объединеннаго студенческаго движенія" и пр. и пр. По поводу этихъ банальностей мы можемъ лишь съ недоумѣніемъ пожать плечами и подивиться, какъ это мыслящіе люди могутъ не задохнуться въ атмосферѣ, насквозь пропитанной азбучными испареніями?

ГОЛОСЪ РАБОЧАГО.

„Что намъ болѣе всего нужно?", подъ этимъ заглавіемъ было помѣщено письмо въ изданной ред. „Свободы" брошюрѣ: „Рабочіе и интеллигенція". Авторы этого письма стараются доказать необходимость изгнанія интеллигенціи изъ рабочей среды и для этого приводятъ слова Маркса: освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ. Замѣчательно то, что многія мѣста самой статьи отрицаютъ смыслъ всей оной. Возьмемъ хотя бы слова, которыми она начинается: освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ. Великолѣпная мысль! Да, было бы безуміемъ желать, чтобы въ рабочемъ дѣлѣ принимали участіе враги рабочаго класса; но это еще не значитъ, что мы должны выгнать всѣхъ тѣхъ соціалистовъ, которые не занимаются физическимъ трудомъ. Если мы такъ будемъ думать, то мы скорѣе окажемся сектантами, чѣмъ соціалистами. Мы, какъ партія соціалистовъ, принимаемъ всѣхъ тѣхъ, кто сочувствуетъ нашему дѣлу, мы не хотимъ знать, къ какому классу человѣкъ принадлежитъ по рожденію, разъ мы знаемъ, что онъ соціалистъ. Главная бѣда въ томъ, что многіе не понимаютъ, что такое рабочіе и интеллигенція, и проводятъ рѣзкую грань между ними. Но если мы себѣ выяснимъ, что подъ словомъ „интеллигентъ" мы не подразумѣваемъ извѣстную форму, оболочку, ярлычекъ, а сознательнаго человѣка, т. е. человѣка, который могъ бы быть руководителемъ, организаторомъ, агитаторомъ, пропагандистомъ, тогда мы свободно эту грань можемъ стереть, и заколдованное слово „интеллигентъ", что такъ пугаетъ питерскаго корреспондента, игнорировать. Конечно, въ нашу среду часто попадаютъ буржуазные интеллигенты, которые, дѣйствительно, не обращаютъ никакого вниманія на дѣло. Но, вѣдь, это только волки въ овчарнѣ! но если таковые оказываются въ нашихъ центрахъ, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ сказать, что мы должны выгнать всѣхъ соціалистовъ, которые не имѣютъ мозолей на рукахъ. Напрасно авторы стараются объяснить всѣ наши неустройства тѣмъ, что въ организаціяхъ сидятъ интеллигенты. Если бы авторы обвинительнаго акта не страдали куриной слѣпотой, то они весьма легко могли бы убѣдиться въ томъ, что наша организація получаетъ сильные тормазы не потому, что интеллигенты стоятъ во главѣ нашихъ центровъ, а потому что мы до сихъ поръ еще находимся на ступени кустарничества, у насъ нѣтъ надлежащей организаціи, организація наша не централистическая, а мелко-кустарническая. Но мысль о необходимости централизаціи разстраиваетъ автору нервы. Онъ знаетъ, что у насъ часто отсутствуетъ необходимая конспирація, онъ совѣтуетъ комитету дѣйствовать особенно осторожно, но это не мѣшаетъ ему патетически восклицать по адресу сторонниковъ централизаціи: „какъ можно вносить царизмъ въ дѣло свободы!"

Самый большой грѣхъ интеллигентовъ, по мнѣнію автора письма, состоитъ въ томъ, что они отрицаютъ самодѣятельность рабочихъ. Но если въ этомъ можно упрекнуть какой-либо изъ органовъ, то ужъ не „Искру" и не „Зарю", ибо кто первый, если не „Искра", указалъ на необходимость выработать изъ рабочей среды организаторовъ, агитаторовъ, пропагандистовъ? „Искра" и говоритъ, что мы должны посвятить всѣ наши силы выработкѣ такихъ рабочихъ, которые могли бы съ успѣхомъ выполнять роль членовъ комитетовъ. Кто знаетъ, какъ сложна работа правильно дѣйствующей организаціи, какъ многообразны и разнообразны ея функціи, тотъ пойметъ, что въ такой работѣ, направляемой понимающимъ свои задачи Комитетомъ, масса будетъ принимать самое активное участіе. Поставьте правильно конспиративную организацію революціонеровъ, и вамъ будетъ не трудно заботиться о томъ, чтобы правильно развивалась самостоятельность массы.

Если наши петербургскіе товарищи настаиваютъ на томъ, чтобы всѣ конспиративныя дѣла вѣдала вся масса и всѣ были руководителями, то это только свидѣтельствуетъ о томъ, какъ плохо они знаютъ психологію массъ и то, при какихъ условіяхъ живетъ русскій соціалистъ... Если бы нашъ грозный судія не смотрѣлъ такъ узко на дѣло, онъ бы убѣдился, что централизація есть дѣло печальной необходимости.

Пойдемъ дальше. Наши организаціи еще слабы, но онѣ уже сила. Всѣ враги рабочаго класса боятся ихъ. Поэтому, надо стараться укрѣпить существующія организаціи, завязать новыя, гдѣ еще нѣтъ ихъ, и стараться связать ихъ въ одну рабочую партію. Истина неопровержимая! Но спрашивается, думаетъ-ли, работаетъ-ли въ этомъ направленіи кто-либо изъ всѣхъ органовъ, кромѣ „Искры"? Болѣе всего удивительно, что именно тѣ, кто такъ тонко поняли необходимость сплоченія всѣхъ группъ въ одну сплоченную партію, протестуютъ противъ постановленія о признаніи „Искры" и „Зари" руководящими органами! Протестъ ихъ есть только выраженіе необходимости „нянекъ" и „командировъ" для нихъ же, въ качествѣ каковыхъ и является почтеннѣйшій Л. Надеждинъ. Поощряемые имъ, они не стараются вникнуть въ суть дѣла и продолжаютъ кричать (и при этомъ довольно безосновательно), что мы въ настоящее время ни одинъ изъ существующихъ органовъ не можемъ признать выражающимъ наше направленіе, и желаемъ переорганизоваться и выработать собственную программу и уставъ. Да вѣдь это ребенокъ, который, желая показать, что онъ уже взрослый, одѣваетъ сапоги своей няньки и, получая отъ нея похвалы, не замѣчаетъ, какія мозоли натеръ онъ себѣ на ногахъ. Дѣло это большое и застоя не выноситъ, увѣряетъ насъ авторъ письма. Каждый потерянный день много значитъ, пора намъ, какъ слѣдуетъ, за дѣло взяться! Въ этомъ отношеніи я вполнѣ согласенъ съ авторомъ, но не хочу быть такъ слѣпъ, какъ онъ, ибо наше дѣло, дѣйствительно, застоя не выноситъ, и мы должны принять самыя рѣшительныя мѣры. Поэтому, каждый честный соц.-дем. долженъ желать, чтобы во главѣ нашихъ организацій стояли самые сознательные товарищи, и при этомъ не требовать у нихъ паспорта и не смотрѣть имъ на ладони.

Л. Надеждинъ, какъ интеллигентъ, сильно оскорбленный петербургскимъ протестомъ противъ интеллигенціи вообще, употребляетъ всю свою мораль для пристыженія протестующихъ за узость ихъ пониманія, но при этомъ старается не раздражать капризнаго ребенка и пріобрѣсти его расположеніе. И вотъ онъ ему напѣваетъ колыбельную пѣсню на всѣ демагогическіе мотивы, какіе только есть въ его распоряженіи. Какъ пріятно это ласкаетъ его собственное ухо! и, зажмуривъ глаза, онъ не обращаетъ вниманіе на ту грязь, коей мажетъ свое собственное лицо. Надеждинъ, какъ демагогъ, улавливаетъ всѣ слабыя стороны читателя и желаетъ обратить ихъ въ сильное оружіе противъ своихъ оппонентовъ, но для приличія дѣлаетъ это такъ, чтобы не было замѣтно. Онъ начинаетъ громить интеллигенцію и между строкъ вставляетъ факты въ ея оправданіе. Потомъ опять нападаетъ на нее съ тылу, желая разбить на голову, но изъ великодушія этого не дѣлаетъ, и только такъ, слегка, толкаетъ ее въ загривокъ и уходитъ дальше. Главное его стремленіе, это — не подорвать довѣрія рабочихъ къ интеллигенціи, а сказать, что если есть такіе интеллигенты, которые становятся поперекъ дороги рабочимъ, то это — искровцы. И вотъ онъ начинаетъ съ того, что „Искра", какъ руководящій органъ, ничего не дѣлаетъ въ пользу той массы, которую считаетъ главной своей опорой. Новая волна жизни, говоритъ истинный другъ рабочихъ, начавшись со студенческихъ безпорядковъ, подняла духъ интеллигенціи и въ то же время значительно исказила мысль о самодѣятельности рабочихъ. Рабочая среда, какъ-то потускнѣла, отступила на задній планъ; ярче сталъ вырисовываться тотъ рабочій, который выступаетъ на демонстраціяхъ. т. е. самые интеллигентные рабочіе, и на нихъ только и обращаютъ вниманіе! а масса, масса — ничто, масса — пигмей противъ маленькой кучки сознательныхъ рабочихъ, — отчески вздыхаетъ Надеждинъ. И, какъ видно, для того, чтобы окончательно унизить своего врага, сейчасъ же приводитъ конкретные факты, какъ-то цитаты изъ отдѣльныхъ номеровъ „Искры". Этимъ выстрѣломъ, какъ видно, думалъ сразить врага въ самое сердце. Но, къ счастью „Искры", онъ стрѣлокъ довольно неопытный. И если бы Надеждинъ не увлекался своей демагогіей, онъ бы убѣдился, что собственными словами онъ отрицаетъ самого себя. Когда въ „Искрѣ" появилась замѣтка о томъ, что „Искра" назначается для болѣе или менѣе интеллигентныхъ рабочихъ, а для сѣрой массы существуетъ агитаціонная литература въ видѣ листковъ, брошюръ и т. п., то Надеждинъ съ ироніей подчеркнулъ: и является руководящимъ органомъ рабочей партіи! Словомъ, онъ изъ кожи лѣзетъ вонъ, чтобы доказать, что „Искра" существуетъ только для интеллигенціи, но ничуть не для рабочихъ, и продолжаетъ вопрошать: что за странное раздѣленіе рабочихъ на понимающихъ достаточно сложную для пониманія интеллигентскую „Искру" и на ничего не читающихъ. Это-де полное незнаніе рабочей среды, незнаніе того, что въ ней существуетъ очень обширный слой, берущій и изъ библіотекъ, и у знакомыхъ, и покупающій всякія, какія придется, книги и газеты. Этотъ слой достаточно развитъ, у него много запросовъ, и съ нимъ надо говорить серьезнымъ языкомъ. Но если такъ, о мудрѣйшій философъ, если у насъ, дѣйствительно, есть такой слой развитыхъ рабочихъ (и при томъ еще довольно обширный), то къ чему же кричать до изнеможенія, что „Искра" не можетъ быть понята рабочими!? Для рабочихъ-середняковъ, говоритъ авторъ въ своей замѣткѣ, нужна своя толковая, ясная литература, и для подкрѣпленія этого факта прибавляетъ, что „Искра" навязываетъ рабочимъ думы о какихъ-то университетахъ, земствахъ, земскихъ статистикахъ, и еще о какихъ-то учрежденіяхъ. Надѣюсь, что читатель пойметъ, какая здѣсь безсознательная иронія. Если не забыть, что мы, какъ общественное цѣлое, не можемъ разсчитывать на успѣхъ до тѣхъ поръ, пока мы не будемъ критически относиться ко всѣмъ общественнымъ явленіямъ, т. е. пока мы не будемъ сознательно понимать отношеніе однихъ классовъ къ другимъ и всѣхъ въ совокупности по отношенію къ рабочимъ, — то сюда будетъ ясно, почему „Искра" обличаетъ всѣ общественныя явленія и всю закулисную жизнь. И рабочій это читаетъ съ жадностью, и часто, слишкомъ часто чувствуетъ недостатокъ въ такомъ матеріалѣ: какъ видно, рабочіе лучше понимаютъ, что имъ нужно, нежели Надеждинъ. Мы, которые стремимся къ соціализму, должны всколыхнуть народное море, нашими могучими волнами мы должны давить всей тяжестью на историческій молъ. Но не философіей, не астрономіей мы достигнемъ этого; для этого мы должны безпрестанно будить народныя массы, каждое общественное явленіе показать въ полномъ его видѣ, и чѣмъ интенсивнѣе будетъ наша работа въ этомъ направленіи, тѣмъ шире будетъ нашъ авангардъ, тѣмъ больше шансовъ у насъ на успѣхъ. „Искра", и никто другой, задалась этой цѣлью...

При такихъ обстоятельствахъ ясно, что наша работа становится все сложнѣе и сложнѣе, все больше чувствуется недостатокъ въ руководящихъ силахъ, и поэтому-то „Искра" обращаетъ вниманіе на наиболѣе способныхъ рабочихъ, и если нашъ другъ рабочихъ плачетъ надъ этимъ, то это еще разъ доказываетъ, какъ мало онъ понимаетъ интересы нашего дѣла. И, кажется, не лишними будутъ слова: „избави насъ, боже, отъ друзей, а съ врагами мы и сами справимся". Одесскій рабочій.

*

Выше мы помѣстили письмо Одесскаго рабочаго по поводу брошюры „Рабочіе и интеллигенція" (повидимому, это не что иное, какъ пресловутое приложеніе къ „Откликамъ"). Той же брошюрѣ посвящена передовая статья № 11 „Южнаго Рабочаго", озаглавленная: „Дѣло освобожденія рабочаго класса должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ". Разъяснивъ значеніе этого девиза соціалистическаго движенія, редакція спрашиваетъ тѣхъ, кто, какъ авторы извѣстнаго петербургскаго воззванія, всуе употребляетъ эти слова: „Зачѣмъ же вы дѣлаете изъ нихъ такое употребленіе? зачѣмъ вы злоупотребляете дорогимъ для насъ всѣхъ именемъ? Рабочій классъ долженъ взять свою судьбу въ свои руки. Рабочій классъ... понимаете, а не вы: Иванъ, Степанъ и т. д." остроумно возражаетъ редакція той группѣ, которая вообразила, что противопоставленіе рабочаго класса буржуазіи можно подмѣнить противопоставленіемъ соціалиста-рабочаго соціалисту-интеллигенту.

„Въ рабочемъ классѣ, говорится далѣе, пробуждается стремленіе къ самодѣятельности: онъ сознаетъ себя гражданиномъ, человѣкомъ; но путы нашего самодержавнаго режима не даютъ выхода этимъ стремленіямъ. И прекрасно! Столкните рабочій классъ съ этими путами, и онъ разорветъ ихъ. Обостряйте это противорѣчіе. А вы... что вы предлагаете? Вы предлагаете создать какія то мнимыя рабочія организаціи, которыя могутъ въ лучшемъ случаѣ охватить сотни сознательныхъ рабочихъ, и думаете, что вы призвали къ „самодѣятельности" рабочій „классъ". Другіе изъ вашихъ единомышленниковъ предлагаютъ всѣмъ рабочимъ объединиться въ кассы, внося „хоть двѣ копѣйки съ заработаннаго рубля". Вы, сами того не зная, играете на руку врагамъ, такъ какъ вмѣсто обостренія противорѣчій, вмѣсто того, чтобы заставить рабочій классъ почувствовать во всей силѣ удары бьющихъ его по ногамъ оковъ, вы затуманиваете ему глаза какой-то мнимой „самодѣятельностью". Или вы, дѣйствительно, настолько наивны, что думаете объединить значительную часть русскаго пролетаріата въ тайное общество?"

Призывая къ работѣ надъ организаціей Партіи, редакція замѣчаетъ по поводу нападокъ на „Что дѣлать?" Ленина: „Къ сожалѣнію, его (Ленина) не только не поняли многіе изъ массы дѣйствующихъ товарищей, но даже такіе, которые претендуютъ на руководящую роль. Многіе приписывали Ленину и его товарищамъ свои собственныя желанія и помышленія. Насъ глубоко возмущаютъ всѣ тѣ разговоры о командованіи и диктатурѣ, которые всегда на устахъ господъ изъ „Борьбы" и отчасти Надеждиныхъ и родственнаго имъ автора статьи въ брошюрѣ „Рабочіе и интеллигенція"... Бросьте всякія неприличныя фразы о командованіи, такъ какъ въ данномъ случаѣ онѣ болѣе оскорбительны для произносящихъ, чѣмъ для того, противъ кого онѣ направлены. Вашей свободѣ не угрожаетъ ни малѣйшая опасность".

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ЗНАМЕНАТЕЛЬНОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Нами получена вышедшая въ Россіи въ декабрѣ печатная прокламація „Къ офицерамъ", за подписью „Военно-революціонная организація". Приводимъ цѣликомъ текстъ прокламаціи для того, чтобы товарищи, имѣющіе къ этому возможность, ознакомили съ нею (напр., путемъ воспроизведенія) тѣ военные круги, въ которыхъ ее не удалось распространить издателямъ.

„События послѣднихъ лѣтъ, совершившіяся въ нашемъ отечествѣ, указываютъ, что революціонное движеніе широкой волной охватило всѣ слои русскаго общества. Явленіе это не новое и за послѣднія десятилѣтія выросли только его размѣры, измѣнились формы борьбы. Причины его коренятся въ тѣхъ ненормальностяхъ, которыя мы получили по наслѣдству отъ крѣпостного права, и тѣхъ, которыя создала современность. Самымъ вреднымъ и крупнымъ пережиткомъ „добраго стараго времени", въ устраненіи котораго заинтересованы всѣ элементы нашего общества, является самодержавная власть, опирающаяся на невѣжество, произволъ и насиліе, враждебная всякому свободному культурному развитію.

„Въ „эпоху великихъ иллюзій", когда Россія переживала еще медовый мѣсяцъ своей „свободы" отъ крѣпостного права; когда общество еще ждало многаго отъ правительства, выступившаго въ роли „освободителя", — недовольство самодержавнымъ режимомъ не могло захватить широкихъ круговъ населенія; противорѣчія его съ новымъ нарождающимся укладомъ жизни были понятны только тѣмъ, кто на себѣ чувствовалъ ихъ тяжесть; поэтому, и борьба съ самодержавіемъ носила характеръ героической схватки сравнительно немногочисленной группы интеллигентовъ, ряды которой пополнялись отдѣльными личностями изъ другой среды, яснѣе другихъ сознавшими и почувствовавшими всю неправду, вносимую въ жизнь деспотизмомъ царской власти. Время измѣнило условія и характеръ борьбы и вовлекло въ нее широкія массы: усложнились экономическія, а съ ними и правовыя отношенія, народились новые общественные классы, и передъ русской жизнью все настойчивѣе и неотложнѣе встаетъ вопросъ о необходимости гражданской свободы и законнаго правопорядка. Абсолютизмъ, исконный врагъ этихъ началъ общественной жизни, неизбѣжно долженъ былъ возстановить противъ себя всѣ слои населенія, даже тѣ общественныя группы, которыя пользовались поддержкой правительства и были до настоящаго времени его вѣрными союзниками. Сознаніе необходимости человѣческихъ правъ побороло суевѣріе о святости самодержавія, проникло въ народную среду; недовольство формулируется и выростаетъ въ ненависть, протестъ изъ стихійнаго становится организованнымъ, борьба принимаетъ массовый и планомѣрный характеръ, а правительство своими жестокими мѣропріятіями и тупымъ упрямствомъ вноситъ въ борьбу все болѣе озлобленія и страстности.

„Безправная, невѣжественная крестьянская масса, отданная во власть помѣщиковъ и администраціи, выносящая на своихъ плечахъ весь многомилліонный бюджетъ, страдающая отъ малоземелья, измученная голодовками, просыпается, тянется къ свѣту, къ знанію, предъявляетъ права на человѣческое существованіе и протестуетъ противъ общественной неурядицы. Послѣднія событія въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ, нашедшія отклики во многихъ губерніяхъ, особенно на югѣ, указываютъ на размѣры этого протеста и на его характеръ; звѣрская расправа правительства надъ участниками крестьянскихъ волненій окончательно разбила жалкій остатокъ мужицкихъ иллюзій о царѣ-народолюбцѣ.

„Но если громадная масса крестьянства еще не вполнѣ ясно представляетъ себѣ всѣ детали гнетущаго ее государственнаго механизма, за то городской рабочій, поставленный жизнью въ условія наиболѣе частаго соприкосновенія съ властью, все яснѣе сознаетъ, что его борьбѣ за лучшее будущее, за освобожденіе отъ гнета капитала должна предшествовать борьба съ самодержавіемъ. Онъ первый сталъ пополнять ряды интеллигентныхъ бойцовъ, и въ настоящее время представляетъ правильно организованную силу, которая выступила въ борьбу, какъ классъ съ вполнѣ ясными и опредѣленными требованіями: на красномъ знамени рабочихъ, развѣвающемся во время демонстрацій, рядомъ съ требованіями 8-часового рабочаго дня, красуются надписи: „Долой самодержавіе! да здравствуетъ свобода!" Всѣ усилія власти, всѣ заботы ея направлены къ тому, чтобы подавить это движеніе, растущее съ каждымъ днемъ; варварскія же средства, которыя для этого пускаетъ въ ходъ правительство, вносятъ въ борьбу лишь ожесточеніе и толкаютъ массу на путь кровопролитія, на путь террора.

„Къ тѣмъ же мѣрамъ прибѣгло правительство для подавленія студенческаго движенія, возникшаго сначала на почвѣ недовольства академическими порядками. На требованіе студентовъ правительство отвѣтило избіеніемъ ихъ въ аудиторіяхъ, на улицѣ, тюрьмой, отдачей въ солдаты, ссылкой въ Сибирь — и тѣмъ толкнуло ихъ въ ряды борющихся за попранныя права человѣка-гражданина, на путь общеполитической борьбы.

„Царское самовластье, полный административный произволъ, пренебреженіе интересами не только отдѣльныхъ личностей, но и цѣлыхъ общественныхъ группъ накопили много горечи даже

---

*) См. прокламацію Союзнаго Совѣта отъ 3 ноября, въ которой повѣствуется, какъ „партія соц.-рев., признающая, наряду съ другими средствами борьбы, терроръ, рѣшила выдѣлить изъ себя „Боевую Организацію", которая занялась бы устраненіемъ наиболѣе вредныхъ представителей правительства"... Совсѣмъ, какъ въ передовицахъ „Рев. Рос.". Но любопытно вотъ что: послѣдній студенческій съѣздъ, искавшій сближенія съ соц.-дем., оказался виновнымъ въ томъ, что „увлекся случайнымъ подборомъ лицъ извѣстнаго направленія на съѣздѣ" (№ 17). Не виновенъ ли въ томъ же и Кіевскій Союзный Совѣтъ? Безпристрастное мнѣніе „Рев. Рос." значительно помогло бы уясненію этого интереснаго вопроса.

въ вѣрноподданническомъ сердцѣ буржуазіи и землевладѣльцевъ. Земство, которому правительство оставило лишь тѣнь самоуправленія, уже организуетъ свои силы для борьбы, объявило заграничный органъ „Освобожденіе“ литературнымъ выразителемъ своихъ стремленій и, наконецъ, въ уѣздныхъ комитетахъ, созванныхъ для обсужденія мѣропріятій къ поднятію народнаго хозяйства, открыто высказалось за необходимость измѣненія всей правовой конституціи страны, за широкія общія мѣры къ поднятію всей ея культуры. Такимъ языкомъ говоритъ не „увлекающаяся“ молодежь, а землевладѣльцы, чуждые всякихъ „иллюзій“ и „увлеченій“.

„Близорукое правительство, неспособное понимать запросы времени, вездѣ создаетъ себѣ враговъ. Политика „умиротворенія“ окраинъ вызываетъ лишь обостреніе отношеній, національный гнетъ воспитываетъ національную ненависть и сепаратныя стремленія. Вѣками созданная культура Финляндіи, отличная отъ русской и особая ея конституція показалась несовмѣстимой съ самодержавіемъ. Однимъ почеркомъ пера Николай II отмѣняетъ основные законы страны, на вѣрность которыхъ онъ самъ присягалъ. Финскій народъ, сжившійся со своей свободой, протестуетъ противъ такого грубаго попранія его правъ, и вотъ въ странѣ, гдѣ неприкосновенность личности — святое право каждаго, начинается казацкая расправа, и лойяльная до сихъ поръ Финляндія стала злѣйшимъ врагомъ русскаго деспота.

„Въ какой бы уголокъ вы ни заглянули, всюду встрѣчаетесь вы съ самымъ безшабашнымъ произволомъ, съ самымъ грубымъ насиліемъ, но и всюду вы чувствуете, что находитесь въ атмосферѣ общаго недовольства, протеста, сознательныхъ желаній, требованій; всюду встрѣчаете элементы борьбы, присутствуете при самой борьбѣ. Правительство видитъ, что почва уходитъ изъ подъ его ногъ, — теряетъ голову, бросается изъ стороны въ сторону, и то идетъ на уступки, то опять хватается за насиліе, какъ единственное средство спасенія, не замѣчая, что само подрываетъ свои основы и увеличиваетъ пропасть между собой и страной.

„Бюрократія и армія — вотъ тѣ силы, на которыя возлагаетъ надежды правительство въ своей борьбѣ съ народомъ; въ нихъ оно видитъ себѣ опору, на нихъ покоится тронъ...

„Но жизнь ясно показываетъ, что бюрократія, поскольку она связана съ землей или капиталомъ, сама способна стать и дѣйствительно становится въ ряды недовольныхъ; что же касается той ея части, которая пополняется изъ среды выгнанныхъ офицеровъ и разорившихся помѣщиковъ, то ея дикая разнузданость оказываетъ правительству плохую услугу, толкая его въ ту пропасть, гдѣ суждено погибнуть всему теперешнему правовому строю.

„Посмотримъ теперь, насколько правильны разсчеты правительства на другую свою опору — армію, и въ правѣ-ли оно считать ее настолько надежной и преданной, чтобы относиться съ полнымъ пренебреженіемъ къ общественнымъ требованіямъ; можетъ-ли оно и впредь за охраной штыковъ такъ безнаказанно и цинично попирать права народа, какъ оно поступаетъ до сихъ поръ?

„Въ сѣрую „дисциплинированную“ солдатскую массу все чаще и чаще проникаетъ правдивое слово жизни и находитъ себѣ отклякъ; участіе арміи совмѣстно съ полиціей въ прекращеніи безпорядковъ, близкое соприкосновеніе ея съ рабочими и сознаніе солдатомъ своей кровной связи съ ними ставитъ передъ нимъ цѣлый рядъ вопросовъ и кто можетъ ручаться, какая мысль роится, какое рѣшеніе сложится въ этихъ съ виду покорныхъ головахъ? Не даромъ военный министръ въ письмѣ къ командующимъ войсками призываетъ къ охраненію арміи „отъ тлетворнаго вліянія противоправительственной пропаганды“, считая это дѣломъ „первостепенной важности“.

„И если присмотримся къ жизни повнимательнѣе, то мы замѣтимъ много такихъ явленій, которыя указываютъ, что опасенія Его Высокопревосходительства небезосновательны.

„Четыре года твердятъ солдату о „святости присяги“, о дисциплинѣ, объ его обязанностяхъ, воспитываютъ въ немъ преданность престолу, и тотъ же самый солдатъ въ запасѣ — стоитъ въ рядахъ „внутреннихъ враговъ“ во время стачекъ, демонстрацій, безпорядковъ. Вотъ еще фактъ того же рода. М. В. Д. въ письмѣ къ старшимъ войсковымъ начальникамъ предупреждаетъ ихъ, что, по его свѣдѣніямъ, пребываніе въ войскахъ студентовъ, сданныхъ за безпорядки, оставило „неблагопріятные слѣды“ на офицерахъ и нижнихъ чинахъ и что съ уходомъ ихъ со службы связь не порвалась. Не ясно-ли отсюда, что вся солдатская выучка не можетъ проникнуть глубоко въ сознаніе, что жизнь сильнѣе ея, и все искусственно привитое при столкновеніи съ жизнью исчезаетъ быстро, безъ слѣда? Не крѣпка, значитъ, солдатская муштровка, если жалкая горсть молодежи, въ большинствѣ случаевъ и сама плохо освѣдомленная, за краткій періодъ службы, находясь подъ усиленнымъ надзоромъ, вмѣсто собственнаго „исправленія“, могла оставить слѣды своего вліянія!

„Трудно создать изъ солдата живую машину, которая только и разсуждала бы въ предѣлахъ отданнаго приказанія: всегда въ немъ кроется способность критическаго отношенія къ этому приказанію и протеста при его исполненіи, а какую форму онъ приметъ, — все зависитъ отъ условій мѣста и времени. Кто близко соприкасается съ этой средой, кто старается проникнуть въ солдатскую психологію, допускаетъ въ солдатѣ наличность человѣка, а не третируетъ его, какъ существо низшаго порядка, — тотъ знаетъ, насколько мы правы. Жизнь богата фактами этого рода и на нихъ нельзя закрывать глаза, съ ними надо считаться.

„Вы, безъ сомнѣнія, неоднократно читали правительственныя сообщенія о безпорядкахъ, въ прекращеніи которыхъ на долю арміи выпадала позорнѣйшая роль; обратили-ли вы вниманіе, что послѣ нѣсколькихъ залповъ въ упоръ въ толпу число убитыхъ и раненныхъ весьма незначительно? Когда одинъ изъ начальниковъ дивизіи, указывая на это, ставилъ въ вину офицерамъ слабую подготовку къ стрѣльбѣ ихъ частей, ни у кого изъ присутствовавшихъ не хватило достаточно мужества сказать, — хотя всѣ это сознавали, — что въ народъ стрѣляли только безнадежныя тупицы, которыхъ въ каждой ротѣ найдется до десятка; что только они безпрекословно исполняютъ всякое приказаніе, — только они „настоящіе“ солдаты, а всѣ прочіе стрѣляли черезъ головы, потому что они прежде всего люди. И это совершенно понятно. Солдаты — дѣти народа, и если находятся среди нихъ такіе, у которыхъ не дрогнетъ сердце, когда они посылаютъ смерть въ своихъ близкихъ, то вся вина, весь позоръ за это падаетъ не на этихъ несчастныхъ, а на ихъ руководителей. Правительство понимаетъ это, и чтобы подавить въ солдатѣ чувство кровной связи, отправляетъ его на службу подальше отъ родины.

„Мы обращаемся къ вамъ, товарищи, и предлагаемъ вамъ вникнуть въ совершающіяся передъ вами событія; мы убѣждены, что роль, назначенная вамъ правительствомъ, найдетъ протестъ въ вашей средѣ; что и вы раздѣляете ненависть всего народа къ царю-самодержцу, сдѣлавшему изъ васъ покорное оружіе національнаго порабощенія и политическаго гнета, участниками его преступленій и виновниковъ за пролитую кровь и слезы, загубленныя жизни, разбитыя надежды; вы не можетъ забыть, что офицеръ прежде всего гражданинъ и сынъ народа, что у васъ есть обязанности передъ родиной, изголодавшейся, засѣченной, избитой. Мы знаемъ, что только недоразумѣніе, да малое знакомство съ законами соціальной жизни держитъ васъ въ лагерѣ правительства; мы предлагаемъ вамъ изучать историческія судьбы нашего отечества и ознакомиться съ текущей дѣйствительностью, такъ какъ только знаніе поможетъ найти правду, лишь оно одно укажетъ, какое мѣсто въ рядахъ борющихся вы, какъ общественныя личности, должны занять; только оно одно дастъ вамъ возможность разобраться въ совершающихся событіяхъ нашей эпохи, когда старое рушится, а на его развалинахъ создается новое.

„Наши свободные станки, которые растутъ, не смотря на всѣ преслѣдованія правительства, придутъ вамъ на помощь; ихъ свободное слово будетъ проникать къ вамъ, не смотря на рогатки жандармовъ; мы хотимъ говорить правду не подъярменнымъ языкомъ, не въ освѣщеніи правительства, такъ какъ право на это мы окупаемъ годами тюрьмы и ссылки; но мы просимъ васъ лишь объ одномъ — выслушать это слово, и мы знаемъ, куда направятся ваши симпатіи.

„Товарищи! Армія, эта плоть отъ плоти, кость отъ костей народа, не должна и не можетъ быть чуждой народу и его интересамъ; ея мѣсто не въ средѣ тѣхъ, кто куетъ цѣпи, а тамъ, гдѣ ихъ разбиваютъ. Народъ въ союзѣ съ арміей вырветъ съ корнемъ вѣковую неправду и найдетъ дорогу къ своему счастью! Ваше участіе необходимо, но ваше сопротивленіе не можетъ спасти того, что обречено на гибель, оно создастъ только лишнія могилы бойцовъ.

„Самодержавіе должно погибнуть — это его историческая судьба, ибо „нельзя влить молодое вино въ мѣхи старые“!...

„Размѣры настоящаго письма не позволяютъ намъ подробно остановиться ни на одномъ изъ затронутыхъ нами вопросовъ, указать на ихъ литературу, статистическія и другія данныя; это мы сдѣлаемъ въ нашихъ отдѣльныхъ изданіяхъ. Тамъ мы познакомимъ васъ съ законами соціальной жизни, обратимъ вниманіе на тѣ явленія, которыя лишь мелькомъ попадаютъ или вовсе не попадаютъ въ нашу подцензурную печать и мимо которыхъ нетрудно пройти; мы соберемъ ихъ вмѣстѣ и дадимъ имъ надлежащее освѣщеніе.

„Мы увѣрены, что товарищи, сочувствующіе освободительному движенію, не останутся безучастными зрителями кипящей вокругъ нихъ „битвы жизни“, ибо „кто не за насъ, тотъ противъ насъ“, а примутъ въ ней дѣятельное участіе, вліяя на своихъ товарищей словомъ, примѣромъ, организуя кружки, помогая работающимъ уже революціоннымъ организаціямъ, распространяя литературу и т. д. — Декабрь 1902 г.

Военно-Революціонная Группа“.

Отъ всей души привѣтствуемъ новую революціонную организацію и желаемъ ей успѣха въ ея трудномъ и очень важномъ дѣлѣ. Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ серьезность тона и убѣдительность и ясность изложенія, характеризующія это литературное произведеніе. И съ полнымъ удовлетвореніемъ мы констатируемъ, что наши военные товарищи съ самымъ серьезнымъ вниманіемъ и съ глубокимъ сочувствіемъ отнеслись къ революціонному пробужденію пролетаріата и съумѣли оцѣнить политическое значеніе русскаго рабочаго движенія. Это обстоятельство позволяетъ надѣяться на то, что революціонное дѣло, начатое „военно-революціонной группой“, будетъ ею вестись въ тѣсномъ согласіи съ русской соц.-демократіей.

Свѣдѣнія, коворыми мы располагаемъ о новой организаціи, позволяютъ утверждать, что поднятое ею знамя находится въ надежныхъ рукахъ и что она приступила къ открытой агитаціи не прежде, чѣмъ укрѣпила свои силы и стала твердо въ организаціонномъ отношеніи.

Намъ пишутъ, что прокламація была распространена среди офицеровъ въ городахъ: Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Ковнѣ, Вильнѣ, Двинскѣ, Гроднѣ, Гомелѣ, Варшавѣ, Житомірѣ, Одессѣ, Харьковѣ и Кіевѣ.

Привѣтъ отъ партіи русскаго пролетаріата піонерамъ революціонной идеи въ самой цитадели нашего заклятаго врага!

Петербургъ. На студенческомъ собраніи въ день университетской годовщины 8 февраля было прочитано слѣдующее воззваніе нашихъ петербургскихъ товарищей:

Россійская соціаль-демократическая рабочая партія.

Открытое письмо къ студенчеству.

„Къ 8 февраля 1903 г. мы принуждены констатировать „заминку“ въ студенческой жизни. Затихли споры въ кружкахъ, затихла жизнь землячествъ, затихли протесты противъ университетской неурядицы... Эту „заминку“ мы объясняемъ себѣ не столько децимированіемъ студенчества въ послѣдніе три-четыре года, не столько усиленіемъ реакціи, сколько основнымъ настроеніемъ студенчества. Какое то уныніе и растерянность охватили его. И хотя въ жизни эти настроенія являются лишними и ненужными, психологически и исторически они вполнѣ понятны. Они вытекаютъ изъ отсутствія стройнаго революціоннаго міропониманія, изъ отсутствія солиднаго теоретическаго обоснованія Не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что наша молодежь въ массѣ своей отошла отъ научнаго соціализма, увлекаемая чортъ знаетъ въ какія дебри и метафизики, и религіи, и эстетики разными дипломированными и недипломированными пророками нашего времени, отличительнымъ и общимъ признакомъ которыхъ служитъ, однако, отступничество отъ убѣжденій золотого періода ихъ жизни.

„Товарищи! По отношенію къ вамъ, мы старое поколѣніе. Начало нашей сознательной жизни относится къ началу девяностыхъ годовъ. Наше вдохновеніе и міропониманіе мы черпали изъ первоисточниковъ. Нашимъ евангеліемъ былъ „Капиталъ“ Карла Маркса, комментаріями къ нему была почти вся библіотека научнаго соціализма — соціализма, не прошедшаго черезъ русскую цензуру, не обезцвѣченнаго примѣнительно къ обстоятельствамъ. Выступленіе теорій научнаго соціализма изъ студенческихъ кружковъ въ оффиціальную литературу было началомъ упадка по сравненію съ тѣмъ временемъ. Принужденный пользоваться эзоповскимъ языкомъ нашей литературы, принужденный къ недомолвкамъ, научный соціализмъ долженъ былъ естественно исказиться въ проповѣди русскихъ оффиціальныхъ глашатаевъ его. Кромѣ всего этого онъ, въ силу политическихъ условій русской жизни, не могъ итти рука объ руку съ рабочимъ движеніемъ и черпать изъ него свое воодушевленіе, свой революціонный пылъ, свою энергію, онъ по неволѣ становился академичнымъ т. е. лишался своего исходнаго пункта, своей жизни, что такъ хорошо выразилъ Либкнехтъ: мы хотимъ сражаться, мы хотимъ побѣдить. Лишенный души, научный соціализмъ неизбѣжно долженъ былъ превратиться въ русской литературѣ въ схоластику, въ фразеологію. Вполнѣ естественно, конечно, что увлеченіе оффиціальной литературой отвлекало силы отъ разработки теоріи въ литературѣ подпольной. Дальнѣйшую эволюцію вы знаете... Оффиціальная литература, не имѣя ни возможности, ни силъ заняться уясненіемъ, разработкой широкими штрихами намѣченной теоріи, ударилась въ „критику,“ — благо критика вообще легка, — да и въ критику одностороннюю, которая была болѣе всего по зубамъ, болѣе всего соотвѣтствовала настроенію: выше лба уши не растутъ... Молодое поколѣніе, пріѣхавшее въ столицы, скоро стало питаться исключительно критикой теоріи, критикой такой плодовитой, что изъ-за нея уже некогда было заняться самой теоріей. Съ тѣхъ поръ вожди литературы этого направленія пошли дальше... И критику смѣнили свои теоріи. На сценѣ появились и метафизика, и мистика... и все это въ оригинальномъ русскомъ переложеніи съ нѣмецкаго, какъ у большинства, или въ менѣе оригинальномъ богословскомъ стилѣ, какъ у Булгакова... А жизнь тѣмъ временемъ шла и развивалась своимъ путемъ, стихійно и быстро... Молодому участнику быстро текущей жизни предыдущихъ лѣтъ не могло не казаться, что наконецъ то революція началась: народъ, доселѣ тупо смотрѣвшій на студенческія сходки, пошелъ, наконецъ, въ лицѣ городскихъ рабочихъ вмѣстѣ съ ними... на демонстраціи и даже впереди ихъ... Но этотъ народъ нѣсколько поубавился на слѣдующихъ демонстраціяхъ и, повидимому, сталъ снова уходить отъ студенчества. Естественно въ умѣ зарождается мысль, что „разъ счастье было такъ близко, такъ возможно,“ то еще напоръ и... врагъ бѣжитъ... Что начато демонстраціями, то докончитъ терроръ... Но терроръ не пошелъ... терроръ не приводитъ къ желаннымъ результатамъ... Что же дѣлать? Молодые люди должны были растеряться, настолько, конечно, насколько у нихъ не было точнаго и яснаго пониманія законовъ развитія всякаго общества и, въ частности, общества русскаго. Если бы у нихъ была хорошая теоретическая подготовка, они бы знали, что безъ широкаго участія въ движеніи рабочаго класса, городского пролетаріата, никакая революція невозможна (кромѣ дворцовой, конечно). Если бы они знали дѣйствительную жизнь, они должны были бы быть далеко отъ всякихъ очарованій, а, слѣдовательно, и разочарованій. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что рабочій классъ въ Россіи не по днямъ, а по часамъ растетъ умственно, нравственно и численно. Однако, одного роста не достаточно для революціи, для этого еще нужна организація его въ одну большую партію, сильную своимъ единствомъ, сильную своимъ единодушіемъ. 15 лѣтъ упорной работы соціаль-демократовъ въ рабочей средѣ создали массу оазисовъ въ ней, массу сознательныхъ рабочихъ... Это была необходимая подготовительная работа... И эти то сознательные рабочіе и пришли на демонстраціи. Децимированіе ихъ рядовъ сильно отразилось не на рабочемъ движеніи, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, а на ходѣ организаціонной работы... Съ другой стороны, и студенчество создало въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ относительнаго затишья въ своей средѣ довольно стойкія организаціи... Вся эта незамѣтная, кропотливая подготовительная работа и сдѣлала возможными тѣ демонстраціи, которыя такъ удивили всѣхъ, начиная съ оффиціальной Россіи, своею грандіозностью. Дальнѣйшій путь былъ намѣченъ всей предыдущей жизнью: надо было усиливать пропаганду и организацію и избытокъ силъ вести на демонстраціи. Между тѣмъ произошло наоборотъ: демонстраціи стали главной цѣлью и отвлекли отъ будничной работы — изученія, пропаганды и организаціи... Отсюда не далеко и отъ нетерпѣливаго молодечества и отъ мрачнаго отчаянія — выразителями которыхъ является терроръ.

„И вотъ теперь мы стоимъ передъ страннымъ на первый взглядъ явленіемъ: волнуется крестьянство, волнуется городской рабочій, поднимаютъ голосъ забитые либералы, а русское студенчество, этотъ „барометръ русской жизни“, безмолвствуетъ... Затихла революціонная мысль... Марксъ и Энгельсъ и вся библіотека научнаго соціализма отодвинуты въ сторону и покрылись пылью, а на первомъ мѣстѣ красуются „Проблемы Идеализма.“ Чуткій къ общественной неправдѣ, страстный въ осуществленіи идеаловъ матеріализмъ смѣнился равнодушнымъ ко всему на свѣтѣ дряблымъ резонирующимъ идеализмомъ...

„8 февраля мы пришли сказать вамъ отъ имени рабочаго класса: Проснитесь, готовьтесь къ жизни — васъ ждутъ на работу...

С. Петербургскій Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи.“

Собраніе отвѣтило на это воззваніе слѣдующей резолюціей: Постановленіе собранія, происходившаго 8 февраля въ студенческой столовой въ количествѣ 2500 чел. (Принято единогласно).

„Привѣтствуя призывъ соціаль-демократическаго комитета къ совмѣстной работѣ и сознавая свой долгъ оправдать надежды, возлагаемыя на интеллигенцію, какъ активную революціонную силу, собраніе 8 февраля выражаетъ готовность всѣми средствами содѣйствовать росту революціоннаго движенія, а въ ближайшемъ будущемъ надѣется принять активное участіе въ открытыхъ заявленіяхъ протеста въ той формѣ, въ какой къ этому призовутъ авторитетныя организаціи, и приглашаетъ учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ собраться на слѣдующей недѣлѣ на сходки для обсужденія мѣръ протеста противъ арестовъ товарищей, расправы съ донцами и рабочими Штиглицкой фабрики.“

По этому поводу очевидецъ пишетъ: „Подъ слов. „авторитетныхъ организацій“ должно подразумѣвать соц.-дем. партію и ея боевую организацію. 8 февраля на вопросъ, заданный однимъ изъ присутствовавшихъ о томъ, что подразумѣвается подъ понятіемъ „авторитетныхъ организацій“, бюро отвѣтило, что подъ „авторитетными организаціями“ надо подразумѣвать соц.-дем. партію и ея боевую организацію. Число человѣкъ на этомъ собраніи было по моему и, насколько подтверждаютъ мое заключеніе другіе — 2500 чел. или около этого.

На этомъ собраніи попробовалъ говорить и очень красиво умѣренный; начавши съ восхваленія всего, чѣмъ, молъ, мы должны гордиться: земцы работаютъ, крестьяне работаютъ, интеллигенція работаетъ, про рабочихъ — и говорить нечего, а, поэтому, незачѣмъ намъ идти противъ кого слѣдуетъ открытымъ возстаніемъ, что, де, бунты и демонстраціи ни къ чему не приведутъ... Рѣчь его была покрыта такимъ зловѣщимъ свистомъ, какого я уже давно не слыхалъ.“

Къ побѣгу Инны Леманъ. О своемъ удивительно-удавшемся побѣгѣ изъ Жанд. Управленія при Старо-Кіевскомъ участкѣ И. Г. Леманъ намъ пишетъ: „Все до мелочей вышло такъ, какъ я намѣтила заранѣе, какъ по писанному. О моемъ планѣ знало сравнительно очень много людей, потому что я обращалась за помощью и совѣтомъ. На волѣ отнеслись очень отрицательно, приблизительно какъ къ безумнымъ фантазіямъ разстроеннаго тюрьмой воображенія. Я и сама почти потеряла надежду, что представится благопріятный случай для исполненія моего плана (войти въ ватеръ и затѣмъ моментально выйти, измѣнивъ нѣсколько костюмъ, и пройти мимо часовыхъ, стоящихъ тутъ же у дверей). Надо было, чтобы до нашего прихода около ватера не было другихъ полицейскихъ чиновъ: зная, что до меня никто не входилъ, они не могли бы не обратить на меня вниманія. Какъ на зло, въ тѣ дни, когда брали меня, больше никого не брали (очень часто берутъ на допросы по два и по три человѣка), и карета со всѣмъ штатомъ (съ кучеромъ — три или четыре человѣка) все время оставалась тутъ же на дворѣ, въ томъ же углу, гдѣ и ватеръ. Кромѣ того, за два шага отъ ватера всегда оказывались одинъ или два городовика. Я заподозрила даже, что въ жандармскомъ провѣдали о моемъ предпріятіи. Слишкомъ много народу знало, и намъ передавали даже, что въ жандармскомъ „что-то“ знаютъ о предпріятіи на женскомъ отдѣленіи. Въ понедѣльникъ 13 января, идя съ допроса по лѣстницѣ, въ сопровожденіи, какъ обыкновенно, одного конвойнаго впереди, другого сзади, я еще на лѣстницѣ заглянула въ окно и увидѣла, что каретъ, хотя и стоитъ во дворѣ, но безъ штата. Было очень холодно, очевидно, ушли погрѣться. Какъ обыкновенно, меня хотѣли завести въ камеру, тутъ же въ подвальномъ этажѣ, въ ожиданіи, когда приготовятъ или позовутъ карету. Я запротестовала. „Зачѣмъ, молъ, мнѣ еще ждать въ камерѣ, карета на дворѣ, можно сейчасъ же ѣхать“. Выходимъ на дворъ; смотрю — и городовика на обычномъ мѣстѣ нѣтъ. Дворъ громаднѣйшій, и въ другихъ концахъ были люди, но этотъ уголъ оказался чистъ. Одинъ часовой побѣжалъ за „штатомъ“, а я, ни слова не говоря, направилась въ ватеръ. Подъ накидкой у меня была осенняя драповая черная кофточка (на допросѣ я сидѣла передъ жандармомъ въ ней) и на плечахъ небольшой вязанный платокъ изъ сѣрой шерсти. Чтобы сбросить накидку и шапку, набросить на голову платокъ и снять пенснэ, понадобился одинъ моментъ — часовому должно было показаться, что я вошла, а другая вышла въ одно и то же время. По двору я шла медленнымъ шагомъ, немного въ развалку, чтобы измѣнить походку. Дворъ мнѣ показался прямо безконечнымъ. Каждую минуту я ждала, что меня схватятъ сзади за плечи (за Старо-Кіевскимъ участкомъ установилась слава, что въ немъ избиваютъ арестуемыхъ, въ прошломъ году страшно избили демонстрантовъ — это фактъ). Только подойдя къ воротамъ, каменнымъ, широкимъ, шаговъ въ пять, я почувствовала нѣчто вродѣ надежды. „Неужели, неужели? Да не можетъ быть!“ У воротъ, точно нарочно для этого случая, оказалось нѣсколько извощиковъ (обыкновенно ихъ тутъ не бываетъ). Я сѣла на крайняго и велѣла ему ѣхать на первую пришедшую въ голову улицу — на „историческій“ Крещатикъ. „Неужели, неужели? Не можетъ быть!“ не переставая, продолжало звучать въ головѣ. Я прямо отказывалась вѣрить, что это не сонъ, тѣмъ болѣе, что въ тюрьмѣ, благодаря тому, что мысли работали въ этомъ направленіи, часто видѣла подобные и поразительно яркіе сны, такъ что, проснувшись, не сразу догадывалась, что это только сонъ. Только на Крещатикѣ, по обыкновенію многолюдномъ, когда меня подхватила толпа, мной овладѣла жгучая радость. И тутъ только я заволновалась и потеряла самообладаніе. Все время я была совершенно спокойна, и если бы меня взяли, нисколько бы не удивилась. Я была готова къ этому и отнеслась бы, какъ къ неизбѣжному, совершенно спокойно (бить себя я бы,

конечно, не допустила). Но теперь на меня точно пахнуло свободой и вспыхнула страшная жажда затеряться, замѣшаться въ толпѣ, избѣжать того отвратительнаго, неизбѣжнаго. Я, какъ бомба, вылетѣла съ извощика и, пробѣжавъ нѣсколько шаговъ, влетѣла въ какой-то магазинъ. Изумленныя лица прикащиковъ заставили меня опомниться; я что-то спросила, выслушала, что этого нѣтъ и, сдѣлавъ усиліе воли, снова взяла себя въ руки. Выйдя на улицу, я себя почувствовала отчасти обывательницей. Все еще не вѣря, что это не сонъ, я сѣла на конку и уѣхала съ Крещатика (это самая опасная улица, всегда масса шпіоновъ и полиціи) куда-то на окраину. Только тутъ, въ одномъ небольшомъ магазинѣ, я купила большой байковый платокъ, замѣтивъ, что на улицѣ много женщинъ въ такихъ платкахъ (было очень холодно), и надѣла его на ихъ манеръ, такъ что отъ всего лица торчалъ только одинъ носъ. Тутъ я почувствовала себя въ полной безопасности и отправилась на розыски — частью пѣшкомъ, частью на извощикахъ. Вы видите, что во всемъ этомъ происшествіи громадную роль сыгралъ случай. Къ неудачѣ я была вполнѣ готова и заранѣе рѣшила отнестись съ философскимъ спокойствіемъ ко всѣмъ тѣмъ нареканіямъ, которыя должны были посыпаться на мою голову со стороны „скептиковъ на волѣ"! Но вотъ, неожиданно для всѣхъ и даже для меня самой, удача... Случай, счастливая звѣзда... Несмотря на захватывающую радость и блаженство сознанія, что ты свободна, несмотря на невыразимо-сладкое чувство торжества при мысли о бѣшенствѣ Новицкаго и комп. (онъ, говорятъ, ужасно бѣсновался, будто бы самъ выбѣжалъ на улицу въ одномъ мундирѣ и кричалъ: „лови ее, лови ее!", когда меня уже давно не было; потомъ будто бы отдалъ приказъ: „достать ее во что бы то ни стало." Можетъ быть, это и выдумки, масса сплетенъ ходила по городу, но если это и выдумки, то онѣ характерны. Въ первый день, когда меня, очевидно, надѣялись еще поймать гдѣнибудь на улицѣ, многіе, не зная, въ чемъ дѣло, обратили вниманіе на массу конныхъ городовыхъ по всѣмъ улицамъ, — думали, что опять студенческіе безпорядки начинаются), — несмотря на все это, я все-таки не могла не сознавать, что я обязана всѣмъ этимъ счастливому случаю. Между прочимъ, въ „Освобожденіи" сказано, что побѣгъ совершился „безъ всякой помощи со стороны". Это фактически невѣрно — помощь со стороны была... Хотѣлось бы подчеркнуть громадное сочувствіе и готовность оказать активную помощь со стороны общества. Только при такихъ условіяхъ, когда мы оказываемся окруженными друзьями, а полиція во вражескомъ лагерѣ, подобныя вещи могутъ оканчиваться успѣхомъ..."

Москва, 15 февр. Въ Москвѣ тихо... Тихо въ рабочихъ слояхъ, тихо въ „обществѣ" и въ средѣ учащейся молодежи. Г. Треповъ можетъ съ довольной увѣренностью повторять: „у меня чистота, у меня порядокъ"... Быть можетъ, это тишина передъ бурей и въ зловѣщемъ затишьи первопрестольной незримо, незамѣтно для тысячъ шпіонскихъ глазъ молчаливо идетъ молекулярный процессъ переоцѣнки цѣнностей самодержавія. Это возможно, это — навѣрно. Но вѣрно и то, что на поверхности московской жизни въ данный моментъ царитъ молчаніе и покой. Молчаніе, въ которомъ, словно подъ колоколомъ воздушнаго насоса, беззвучно замеръ и погасъ протестъ бутырскихъ заключенныхъ, голодовкой хотѣвшихъ принудить инквизиторовъ самодержавія смягчить суровый, возмутительный режимъ, измышленный ими для тов. Гурвича. Покой, котораго „не возмутили" ни прокламаціи студ. группы „Буревѣстникъ, ни воззваніе „протестующихъ интеллигентовъ" — правду сказать воззваніе весьма спокойное, сонное... даже и для мирно дремлющихъ либераловъ. „Буревѣстникъ" призывалъ учащихся однодневной забастовкой почтить годовщину прошлогодняго университетскаго сидѣнья, протестующіе же интеллигенты — не вѣрить заигрываніямъ бюрократовъ, якобы идущихъ на уступки и даже облегчающихъ участь своихъ плѣнниковъ-революціонеровъ. Но студенчество не вняло зову товарищей. Въ университетѣ сходки не состоялось, лекціи продолжались, а вечеромъ 9 февр. тихо и смирно прошло общее собраніе студентовъ филолог. общества, каковое собраніе предполагалось отложить во избѣжаніе „нежелательныхъ инцидентовъ". На высшихъ женскихъ курсахъ, на лекціяхъ 8 февраля, народу было даже больше, чѣмъ обыкновенно, такъ какъ многія дѣвицы шли на нихъ „принципіально" — есть и такія „принципіальныя дѣвицы". Словомъ, московской администрація пока что бояться и нечего она безбоязненно можетъ продолжать наводить чистоту и порядокъ среди московскихъ „людей и человѣковъ", что она отъ времени до времени и дѣлаетъ. Не такъ давно арестована на одномъ изъ вокзаловъ дама, вмѣстѣ съ которой былъ взятъ ящикъ съ литературой, на дняхъ арестовано, какъ говорятъ, нѣсколько студентовъ Межевого Института, при чемъ взяты тоже милыя жандармскому сердцу приложенія.

Конецъ студенческой трагикомедіи. Во второй половинѣ декабря объявлено было въ Якутской Области объ окончательной амнистіи всѣхъ студентовъ, выраженной въ телеграммѣ отъ 6 декабря. На этотъ разъ они ее приняли и двинулись въ путь отдѣльными группами. При возвращеніи съ ними было поступлено неизмѣримо „милостивѣе", чѣмъ съ обыкновенными, кончающими срокъ политическими ссыльными. Ихъ снабдили деньгами для покупки теплой одежды и выдали всѣмъ прогоны, вмѣсто того, чтобы отправлять на „обывательскихъ" въ сопровожденіи казака. Въ Иркутскъ съѣхалось множество студентовъ и тамъ возникла новая исторія. У нѣсколькихъ студентовъ, жившихъ въ Нижне-Удинскѣ, произведены были обыски; найдена нелегальная литература и уставъ кассы. Въ результатѣ пятеро изъ нихъ были арестованы и посажены въ Иркутскую тюрьму. Съѣхавшіеся студенты стали требовать ихъ освобожденія, но, конечно, безуспѣшно. Тогда часть рѣшила протестовать отказомъ вернуться въ Россію. Большинство же къ протесту не примкнуло и разъѣхалось по домамъ — „учиться порядку" подъ кровомъ родительскимъ. Впрочемъ, въ самое послѣднее время прошелъ слухъ, чтс арестованные въ Иркутскѣ выпущены и что, поэтому, послѣдніе упрямые могикане тоже возвращаются домой. Такъ окончилась „студенческая революція". 1 Февраля 1902 г.

Бѣлостокъ. (Изъ частнаго письма). Въ театрѣ на „Мѣщанахъ" была громадная демонстрація. Кричали: „долой самодержавіе, произволъ, долой Метленко (полицмейстеръ), да здравствуетъ свобода"! Бросали карточки съ тѣми же надписями. Городовые съ шашками наголо въ театрѣ же начали бить, куда попало. Произошла схватка. Въ театрѣ стоялъ крикъ, шумъ, нѣкоторые зрители падали въ обморокъ, такъ что не окончили играть. Потомъ перенесли демонстрацію на улицу. Было сильное возбужденіе. Озвѣрѣвшая полиція начала стрѣлять. Полицмейстеръ съ револьверомъ въ рукахъ метался, какъ разъяренный звѣрь, по городу. Были вызваны войска, закрыли всѣ магазины (въ 6 час. веч.). Убитъ одинъ рабочій, есть и раненные. Арестовали до 30 человѣкъ: рабочихъ, гимназистокъ и учениковъ Коммер. училища. Возмущенная этими звѣрствами, учащаяся молодежь энергично протестовала. Вообще, демонстрація имѣла громадное воспитательное значеніе. „Публика" воочію увидѣла, къ чему приводитъ произволъ грубой полиціи. Демонстрація продолжалась 4 часа, охвативъ почти всѣ улицы. Возбужденіе въ городѣ громадное. Со всѣхъ фабрикъ начали собираться рабочіе, вооруженные палками. Все это было 15 февраля.

Ярославль. Этой осенью было небольшое столкновеніе рабочихъ съ полиціей. Барабанщикъ фанагорійскаго полка, рота котораго была выслана для усмиренія, съ опасностью для жизни бросился выручать городового, на котораго надвигалась толпа, и получилъ рану въ голову. Царь прислалъ ему свое „спасибо" и пожаловалъ пять рублей. Приказъ, въ которомъ излагается этотъ поступокъ, велѣно прочесть по три раза всѣмъ солдатамъ Московск. военнаго округа. Такая нетактичность вызвала ироническое отношеніе даже у самыхъ умѣренныхъ офицеровъ.

Екатеринославъ. Не успѣли наши екатеринославцы придти въ себя послѣ декабрьскаго нашествія на соц.-революц., какъ на дняхъ весь городъ былъ взбудораженъ новыми подвигами „средиземной эскадры". 2 февраля, въ 9 час. вечера, на квартиру инженера-технолога Иловайскаго явилось множество полиціи: тамъ оказалось собраніе человѣкъ въ 30 35, все изъ мѣстнаго „общества". Ихъ стали переписывать и обыскивать, производя въ то же время обыски и на квартирахъ. Такимъ образомъ было перерыто около 35 квартиръ. Но жатва для полиціи была не особенно обильная: на квартирѣ найдено немного нелегальной литературы, да у одного изъ гостей найдена дома литература. Арестованы четверо: хозяинъ квартиры Иловайскій, занимавшій видную должность въ мин. пут. сообщенія, Шапошниковъ, поднадзорный Полонскій и одинъ нелегальный, назвавшійся сначала Славинымъ, а потомъ, когда обнаружилось, что такого не существуетъ, заявившій, что въ жандармскомъ управленіи назоветъ свою настоящую фамилію.

Часть публики отпустили въ 4 часа утра, а остальныхъ лишь въ 8 час. Паспорта, у кого были, отобраны, и до сихъ поръ не возвращаются.

По поводу Иловайскаго завязалась, говорятъ, переписка между мин. пут. сообщенія и жандармскимъ упр. Послѣднее написало, чтобы Иловайскому искали замѣстителя.

Намъ пишутъ: Въ харьковскихъ „Губ. Вѣдом." появился въ концѣ января циркуляръ начальника Курско-Харьк.-Севастоп. ж. д. о томъ, чтобы старшіе кондуктора, обходя поѣзда для провѣрки билетовъ, „приглашали станціонныхъ жандармовъ для ознакомленія съ пассажирами". Пассажиры уже испытали на себѣ дѣйствіе этой новой выдумки оберъ-ищейки Плеве или Зубатова: по вечерамъ жандармъ идетъ вслѣдъ за кондукторомъ, и послѣдній наводитъ фонарь прямо на физіономію пассажировъ.

Любопытная справка. Въ мартѣ 1876 г. Министерство Юстиціи конфиденціально разослало прокурорамъ Судебныхъ Палатъ слѣдующіи циркуляръ: „Бывшіе случаи показали, что весьма часто въ качествѣ свидѣтелей въ процессахъ по государственнымъ преступленіямъ привлекаются лица, услугами которыхъ пользуется тайный дозоръ, столь необходимый при открытіи и преслѣдованіи преступленій этого рода. Принимая во вниманіе, что судъ по государственнымъ преступленіямъ чинится особымъ порядкомъ, причемъ функціи судей исполняютъ лица, удостоенныя монаршаго довѣрія, и дабы одно присутствіе на этомъ судѣ лицъ, которыхъ извѣстные слои нашего общества по своей малой развитости и непониманію важности задачъ, преслѣдуемыхъ тайными правительственными агентами, могутъ пятнать нелестнымъ (sic) эпитетомъ шпіоновъ, — не могло навлечь и малѣйшей тѣни подозрѣнія относительно безпристрастія въ выполненіи великаго святого долга суда, или поколебать въ слояхъ лучшей части истинно развитого русскаго общества то довѣріе, на которое безспорно имѣетъ право этотъ высшій судъ, вмѣняю В. Пр—ству въ обязанность принять къ руководству и исполненію привлекать вышеупомянутыхъ лицъ въ качествѣ свидѣтелей въ дѣлахъ подобнаго рода только въ исключительныхъ случаяхъ, о чемъ уполномачиваю Васъ, м. г., сообщить отъ моего имени и всѣмъ подвѣдомственнымъ В. П. лицамъ прокурорскаго надзора. Министръ юстиціи, ст.-секретарь гр. Паленъ". („Община". 1878, № 1, стр. 7).

Прошло 26 лѣтъ — и на послѣднихъ политическихъ процессахъ передъ нами открыто дефилировали Купріяновы, Осиповы, Саловы и пр. „лица", которыхъ принято называть „нелестными эпитетами шпіоновъ". Какъ понять это? Думаетъ-ли теперешній Министръ Юстиціи, что русское общество развилось, наконецъ, до такой высокой степени, что прониклось уваженіемъ къ „важности задачъ", выполняемыхъ шпіонами? Или русское самодержавіе попало въ такія „исключительныя" условія, что ему не до заботъ объ уваженіи общества къ суду, облеченному „монаршимъ довѣріемъ"?..

СОБЫТІЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

Грубый произволъ и возмутительныя беззаконія русскаго правительства въ Финляндіи переходятъ уже всякую границу. Царю, какъ извѣстно уже читателямъ изъ легальныхъ газетъ, „благоугодно было" уволить недавно отъ службы, „согласно прошеніямъ", тѣхъ четырехъ финляндскихъ губернаторовъ, которые отказались исполнить жандармскіе циркуляры Бобрикова о борьбѣ съ „крамолой" въ Финляндіи. На мѣсто двухъ изъ нихъ уже назначены русскіе „вѣрноподанные"; въ настоящее время, такимъ образомъ, совершенно противозаконно пять русскихъ помпадуровъ занимаютъ финляндскіе посты. Недавнее назначеніе на должность ландссекретаря Нюландской губ. (эта должность, первая послѣ губернаторской въ губернскомъ правленіи, требуетъ спеціально-юридическаго образованія) одного изъ руссификаторовъ — русскаго офицера Рейнбота — вызвала негодованіе даже и консервативной оппортунистической старо-фенноманской партіи. Органъ этой партіи посвятилъ этому инциденту рѣзкую передовую статью, за что сразу получилъ предостереженіе, Словомъ, эти временщики широко пользуются сентябрскимъ беззаконнымъ царскимъ указомъ о назначеніи на финляндскія должности. и „русскихъ уроженцевъ". Такъ же щедро примѣняются и другіе сентябрскіе указы, о которыхъ мы уже неоднократно говорили въ предыдущихъ статьяхъ. Наглымъ руссификаторамъ очень важно отдѣлаться отъ всѣхъ финляндскихъ чиновниковъ, преданныхъ конституціи и основнымъ законамъ своей отчизны, и окружить себя одними лишь покорными рабами, ревностными исполнителями „Высочайшихъ преднадчертаній". Почти съ самаго начала своего разбойническаго похода на Финляндію, царское правительство проводитъ на практикѣ этотъ преступный „принципъ". Оно, разумѣется, начало, по своему обыкновенію, проводить его постепенно: сначала былъ очищенъ финляндскій сенатъ*), затѣмъ гельсингфорская полиція; эту осень, по царскому повелѣнію, было уволено: тринадцать чиновниковъ, въ томъ числѣ по три старшихъ члена всѣхъ трехъ гофгерихтовъ, т. е. аппеляціонныхъ судовъ второй инстанціи и т. д. На-дняхъ наглость русскаго правительства въ этомъ отношеніи достигла кульминаціонной точки: царю-клятвопреступнику „благоугодно было" 10(23) февраля уволить отъ службы безъ пенсіи 16 чиновъ абоскаго гофгерихта, т. е. всѣхъ, за исключеніемъ трехъ его членовъ. Поводомъ къ такому „Всемилостивѣйшему" мѣропріятію является слѣд. обстоятельство: послѣ грубаго избіенія на Сенатской площади въ Гельсингфорсѣ безоружныхъ гражданъ 5(18) апрѣля 1901 г. (см. № 22 „Искры") нѣкоторые изъ пострадавшихъ подали въ началѣ лѣта жалобы на незаконныя дѣйствія губернатора Кайгородова въ абоскій гофгерихтъ. Видя, что вѣрнымъ исполнителямъ его приказаній грозитъ законный судъ, Плеве и состряпалъ осенніе царскіе указы, запрещающіе, между прочимъ, привлекать къ суду чиновниковъ безъ особаго разрѣшенія ихъ начальства (этимъ указамъ была дана обратная сила). Абоскій гофгерихтъ, не обративъ вниманія на эти преступные „законы", разсмотрѣлъ жалобы на Кайгородова и въ началѣ февраля (н. ст.) отправилъ гельсингфорскому ратгаузскому суду приказъ произвести слѣдствіе

*) Въ 1900 г. вышли въ отставку 12 сенаторовъ, отказавшихся обнародовать беззаконные указы царя, въ 1901 г. уволено четыре сенатора, протестовавшіе противъ „закона" о воинской повин.

по этому дѣлу и слушать показанія многочисленныхъ свидѣтелей (около ста чел.). Гельсингфорскій судъ назначилъ опросъ свидѣтелей на 13(26) и 14(27) февраля. Убѣдившись, что фанляндскіе суды не подчиняются, подобно нашимъ коронныимъ судамъ, административному воздѣйствію, Плеве, Бобриковъ и финляндскій сенатъ всполошились; они прекрасно сознавали, что судъ осудилъ бы Кайгородова „по всей строгости законовъ" и отнесся бы къ нему, какъ къ тяжкому преступнику. 11(24) февраля въ сенатъ прибыло отъ Бобрикова слѣд. отношеніе:

„Финляндскій Генералъ-Губернаторъ. Въ Гельсингфорсѣ. 11(24) февраля 1903 г. № 1139. Экстренно. Въ Императорскій Финляндскій Сенатъ.

„Препровождая при семъ въ Сенатъ, для надлежащаго исполненія, телеграмму Министра Статсъ-Секретаря Великаго Княжества Финляндскаго отъ 10(23) февраля о Высочайшемъ повелѣніи объ отмѣнѣ всѣхъ послѣдовавшихъ, въ нарушеніи закона 1(14) августа 1902 г., распоряженій судебныхъ мѣстъ по дѣламъ о должностныхъ преступленіяхъ и о принятіи мною, совмѣстно съ Сенатомъ, мѣръ къ недопущенію нарушеній Высочайшихъ по сему повелѣній, во исполненіе таковой Монаршей воли съ своей стороны признавалъ бы необходимымъ: 1) безотлагательно-же поставить о таковомъ Высочайшемъ повелѣніи въ извѣстность всѣ судебныя установленія и Губернаторовъ въ Финляндіи; 2) объявить о семъ въ оффиціальныхъ газетахъ края, и 3) предписать Губернаторамъ и губернскимъ правленіямъ принять всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ недопущенію отступленій отъ изъясненной Высочайшей воли, обращаясь въ необходимыхъ случаяхъ къ содѣйствію военнаго начальства. Къ сему присовокупляю, что для выигрыша во времени и въ видахъ недопущенія засѣданій Гельсингфорскаго ратгаузскаго суда, назначенныхъ на 13(26) и 14(27) сего феврали, мною даны соотвѣтствующія приказанія Нюландскому Губернатору. Въ случаѣ уклоненія подлежащихъ лицъ отъ своевременнаго исполненія распоряженія Сената, въ предупрежденіе возможныхъ случайностей, полагалъ бы мѣрами полиціи закрыть входъ въ залъ засѣданій и вывѣсить объявленіе согласно прилагаемаго для того проэкта. Генералъ-адъютантъ Бобриковъ. Директоръ канцеляріи Генеральнаго Штаба полковникъ Зейнъ.

„Проектъ объявленія*). Симъ объявляется, что во исполненіе Высочайшаго повелѣнія отъ 20(23) февраля 1903 г., распоряженіемъ Генералъ-Губернатора и Императорскаго Финляндскаго Сената, назначенный по жалобамъ кандидата медицины Хофстрема, магистра философіи Термана и друг. лицъ на 13(26) и 14(27) сего февраля допросъ свидѣтелей отмѣненъ и засѣданія ратгаузскаго суда, какъ по этимъ, такъ и по другимъ однороднымъ съ нимъ дѣламъ, и впредь допушены не будутъ. Директоръ канцеляріи Финл. Г.-Губ. Штаба полк. Зейнъ. Начальн. Отдѣленія Ганскау.

„Телеграмма. Гельсингфорсъ. Ген.-Губернатору, № 820. Принята 10 фев. 1903 г. Государю Императору 10(23) фев. благоугодно было отмѣнить всѣ распоряженія, послѣдовавшія по дѣламъ о должностныхъ преступленіяхъ въ нарушеніе Высочайшихъ постановленій и повелѣнія отъ 1(14) августа 1902 года, и поручить Ген.-Губернатору и Сенату принять всѣ зависящія мѣры къ недопущенію какихъ-либо отъ сихъ постановленій и повелѣній отступленій. Министръ Статсъ-Секретарь Плеве."

Сенатъ отправилъ *подобное приказаніе ратгаузскому суду. Одновременно получено было извѣстіе и объ отставкѣ 16 членовъ абоскаго гофгерихта. 13(26) февраля, когда судъ явился въ 10 час. утра въ ратушу для опроса* свидѣтелей, у дверей, на лѣстницахъ и въ корридорахъ были разставлены десятки полицейскихъ, не впускавшихъ публику въ помѣщеніе суда. Когда было объявлено слушаніе дѣла и сторожъ началъ призывать стороны и свидѣтелей, то оказалось, что полиція никого изъ нихъ не впускаетъ въ ратушу. „Блюстители порядка" исполняли приказаніе Бобрикова и Кайгородова, мѣсто котораго должно было быть на скамьѣ подсудимыхъ. Суду осталось лишь занести въ протоколъ протестъ противъ насилія полиціи и довести до свѣдѣнія разгромленнаго гофгерихта о причинѣ временнаго отложенія дѣла. 14(27) февраля повторилась та же самая исторія. Россійскій самодержецъ снова нагло попираетъ ногами правосудіе въ Финляндіи, какъ онъ привыкъ это дѣлать въ Россіи, стонущей подъ гнетомъ полнѣйшаго безправія обывателя. При выходѣ уволенныхъ судей-гражданъ изъ помѣщенія гофгерихта публика устроила имъ на улицѣ овацію и поднесла цвѣты. За исключеніемъ двухъ, всѣ служащіе въ абоскомъ гофгерихтѣ, низшіе чиновники, писцы и даже сторожъ немедленно подали въ отставку. Нравственнымъ долгомъ всѣхъ честныхъ финляндскихъ гражданъ является матеріальная поддержка всѣхъ этихъ лишенныхъ царемъ куска хлѣба чиновниковъ, исполнившихъ долгъ по отношенію къ своему народу.

Въ Финляндіи, какъ извѣстно, въ настоящее время сильный голодъ. Финляндское общество отлично организовало подачу помощи. Выбранный центральный комитетъ вспомоществованія голодающимъ получаетъ значительныя пожертвованія не только изъ Финляндіи, но и изъ другихъ странъ, какъ, напр., изъ Америки, и дѣйствуетъ вполнѣ энергично. Бобрикову хотѣлось, по примѣру другихъ русскихъ администраторовъ, разыграть роль народнаго благодѣтеля, но собранныя въ Россіи средства продолжали преспокойно поступать въ центральный комитетъ. Это бѣсило русскаго сатрапа, канцелярія котораго также принимаетъ пожертвованія. На-дняхъ онъ обратился за содѣйствіемъ къ финляндскому сенату съ предложеніемъ „совмѣстной дѣятельности" недавно образованныхъ имъ отдѣленій Краснаго Креста, предсѣдателемъ которыхъ состоитъ его жена. Намъ хорошо извѣстно, какъ у насъ Красный Крестъ обыкновенно оказываетъ помощь „пострадавшимъ отъ недорода". Если въ Россіи это благотворительное учрежденіе почти совершенно безполезно, то въ Финляндіи оно лишь комично. Но надо же Бобрикову и его супругѣ фигурировать въ роли „благодѣтелей", столь приличествующей высокопоставленнымъ разбойникамъ. Самъ царь пожертвовалъ въ пользу ограбленнаго имъ финскаго народа (см. № 28) изъ финляндской же казны всего 10 тыс. марокъ, его мать облагодѣтельствовала голодающихъ 5,000 руб., а наслѣдникъ — 3,000 руб. Какъ видитъ читатель, „августѣйшія" пожертвовнія не велики.

*) Этотъ „проэктъ", за подписью гельсингфорскаго полицмейстера, 13(25) февраля былъ наклеенъ на стѣнѣ ратуши.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Казань. Прошло болѣе двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ на страницахъ революціонной печати появилось послѣднее сообщеніе изъ Казани. Этотъ долгій перерывъ обязываетъ насъ дать краткій историческій очеркъ казанскаго движенія. Несомнѣнно, что и до 1898 года, съ котораго у насъ имѣются болѣе достовѣрныя данныя, пропаганда среди казанскихъ рабочихъ велась. Но, повидимому, она носила совершенно неорганизованный, такъ-сказать, кустарный характеръ: вели ее не группы, а отдѣльныя лица. Только въ 1898 г. организуется уже группа и ставитъ своею цѣлью пропаганду соц.-демократ. идей среди казанскихъ рабочихъ. Группа эта завязываетъ связи только съ однимъ изъ заводовъ, Алафузовскимъ, и городскими типографіями. Дѣло, несмотря на малочисленность группы, пошло довольно успѣшно; среди рабочихъ были организованы боевыя кассы, заведены библіотеки изъ легальныхъ и нелегальныхъ книгъ, а въ апрѣлѣ того же года была устроена маевка, правда, очень небольшая (до 40 раб.). На этой маевкѣ было сказано нѣсколько рѣчей по поводу рабочаго движенія вообще и, въ частности, по поводу начинающагося казанскаго. Послѣдовавшій въ началѣ слѣдующаго года провалъ (арестовано до 40 чел.) снова заставилъ казанское движеніе принять привычныя ему кустарныя формы. Но такая работа уже не удовлетворяла ни рабочихъ, ни интеллигентовъ, и осенью 1900 г. организуется вторая по счету „соц.-дем. группа“. Она ставитъ дѣло шире предыдущей, завязываетъ сношенія почти со всѣми казанскими заводами и мастерскими. Дѣятельность ограничивается вначалѣ исключительно пропагандой, но уже въ началѣ 1901 г., благодаря росту движенія, возникаетъ вопросъ о переходѣ отъ пропаганды къ агитаціи. Однако, ни оформить, ни провести въ жизнь этого общаго желанія группѣ не удалось, такъ какъ 19 февраля жандармеріей были произведены необычайныя для Казани по своимъ размѣрамъ аресты (обыскано 100 чел., арестовано 70); не смотря на это, удачно возникла и прошла стачка булочниковъ, а къ 11 марта группой была выпущена прокламація ко всѣмъ казанскимъ рабочимъ съ предложеніемъ принять участіе въ уличномъ протестѣ студентовъ противъ произвола правительства (свѣдѣнія о демонстраціи и результатахъ ея своевременно были сообщены „Искрѣ“). Майскія прокламаціи не были выпущены группой по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ. Затѣмъ наступило снова затишье, всѣ усилія были направлены на поддержаніе оставшихся связей, и только осенью 1902 г. группа настолько усиливается, что, не ограничиваясь старыми связями, заводитъ новыя. Еще осенью группа постановила, не ограничиваясь пропагандой, перейти при первой же возможности къ широкой агитаціи въ массахъ. Поэтому, вся вторая половина 1902 года была посвящена пропагандѣ съ цѣлью создать въ средѣ казанскихъ рабочихъ революціонное ядро, которое совмѣстно съ членами группы вошло бы въ составъ предполагаемаго Комитета Р. С.-Д. Р. П. Дѣятельность группы была настолько успѣшна, что образовавшійся съ началомъ 1903 г. Комитетъ рѣшилъ немедленно привести въ исполненіе осеннее постановленіе группы о переходѣ къ агитаціи. Съ 20 на 21 января по всѣмъ заводамъ (Алафузовскій, Крестовниковскій, Свѣшниковскій, пороховой, Александровскій и др.), а также и почти по всѣмъ мастерскимъ и типографіямъ города были распространены прокламаціи Комитета „Къ казанскимъ рабочимъ“ на русскомъ и татарскомъ языкѣ. Кромѣ того, въ это же время Комитетомъ была выпущена прокламація къ казанскому обществу. Прокламація эта была встрѣчена рабочими очень сочувственно, они усиленно разбирали ее и читали, несмотря на всю энергію заводской администраціи и полиціи, тщетно пытавшихся уничтожить неожиданно появившуюся крамолу. Энергичнѣе другихъ охраняли отъ полиціи первую выпущенную на ихъ языкѣ прокламацію рабочіе изъ татаръ. *Мысль о необходимости прокламаціи на татарскомъ языкѣ принадлежитъ всецѣло самимъ казанскимъ рабочимъ, указавшимъ на національную рознь, которую усиленно раздуваютъ предприниматели, а также и на пренебрежительное отношеніе татаръ-рабочихъ къ прокламаціямъ на русскомъ языкѣ.* Горячій пріемъ, оказанный татарами прокламаціи на ихъ языкѣ, даетъ надежду Комитету, что онъ параллельнымъ выпускомъ листковъ на обоихъ языкахъ не только внесетъ свѣтъ въ массы татаръ-рабочихъ, но и въ корнѣ подорветъ ту національную рознь, которая до сихъ поръ была выгодна только казанскимъ капиталистамъ, движенію же безусловно вредила.

Ростовъ-на-Дону. Въ своей корреспонденціи, помѣщенной въ № 32 „Искры“, я сообщалъ о томъ, что нѣкоторыя незначительныя требованія желѣзнодорожныхъ рабочихъ были удовлетворены администраціей дороги. Въ настоящее время все опять возвратилось къ своему „первобытному состоянію“. Мастера Вицкевичъ и Чернявскій опять возвращены къ своимъ „постамъ“.

Ни одинъ пунктъ требованій рабочихъ не удовлетворенъ. „Обѣщали посулить“, какъ говорилъ одинъ купецъ въ драмѣ Островскаго, а вышло „совсѣмъ напротивъ“. Поворотъ къ старымъ „отеческимъ традиціямъ“ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ замѣтенъ полный послѣ пріѣзда сюда фонъ-Валя, который, очевидно, преподалъ въ совершенствѣ мѣстнымъ растерявшимся помпадурамъ полный курсъ современной политики центральнаго правительства по отношенію къ растущей „крамолѣ“. Во всякомъ, случаѣ политика „ежевыхъ рукавицъ“ по отношенію къ желѣзнодорожнымъ рабочимъ въ настоящее время въ полномъ ходу. Съ рабочими стали обращаться гораздо свирѣпѣе, чѣмъ даже до „событій“. Во всѣхъ дѣйствіяхъ желѣзнодорожной администраціи замѣтна скрытая Валевская провокація, желаніе во чтобы то ни стало убить въ рабочемъ всякое представленіе о человѣческомъ достоинствѣ. Штрафы, какъ изъ рога изобилія, сыплются на головы рабочихъ. Въ довершеніе всего весь январь происходила „чистка“ рабочихъ. Теперь недосчитывается уже больше ста человѣкъ. Кромѣ этого, упорно циркулируютъ слухи, что въ непродолжительномъ времени будетъ разсчитано около тысячи человѣкъ. Этотъ слухъ находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что большая часть работы сдана уже на частные заводы, въ мастерскихъ же только въ одномъ цѣхѣ производится работа. Разсчитывать рабочихъ предполагается небольшими группами, постепенно. Всѣ эти „реформы“ предприняты съ тою, очевидно, цѣлью, чтобы предотвратить новый ожидающійся взрывъ негодованія среди рабочихъ, обманутыхъ администраціей дороги, дѣйствующей подъ руководствомъ жандармовъ и полиціи. Разсчетъ на то, что пришлые изъ другихъ городовъ рабочіе, которые займутъ мѣсто разсчитанныхъ, будутъ покорнѣе, окажется, вѣроятно, ошибочнымъ.

Что же касается ростовскихъ рабочихъ, то мѣры, предпринимаемыя по отношенію къ „умиротворенію“ ихъ посредствомъ „ежевыхъ рукавицъ“ и посредствомъ реставрированія „добрыхъ отеческихъ отношеній“, страшно раздражаютъ ихъ и служатъ хорошимъ воспитательнымъ средствомъ даже и для такихъ слоевъ рабочихъ, которые раньше серьезно не задумывались надъ своимъ безвыходнымъ положеніемъ. Теперь всей массѣ рабочихъ становится яснымъ, гдѣ нужно искать своихъ враговъ, а гдѣ друзей. Настроеніе вслѣдствіе этого въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ крайне возбужденное; рабочіе страстно ищутъ подходящей формы, для того, чтобы цѣлесообразно излить свое возмущенное чувство. Всѣ говорятъ о необходимости повторить осеннія „событія“. Въ городѣ также упорно циркулируютъ слухи, что повтореніе событій несомнѣнно будетъ въ день 19 фев. Боевое настроеніе среди рабочихъ поддерживается энергично и Донскимъ Комитетомъ, за январь мѣсяцъ выпустившимъ 15,000 прокламацій

Начальство также мобилизируетъ свои силы „на случай чего ежели“, стягивая казаковъ въ Ростовъ, который постепенно превращается опять въ „военный лагерь“. Оно тоже ждетъ 19 фев. Въ городѣ и среди рабочихъ говорятъ, что если 19 февраля не удастся, то все равно раньше даже 1 мая они ринутся въ „бой“. Итакъ, несмотря на полицейскій и жандармскій терроръ, несмотря на всѣ репрессіи, ростовскій пролетаріатъ идетъ впередъ по пути развитія своего классового самосознанія. Вліяніе Донского Комитета на массу рабочихъ ростетъ съ каждымъ днемъ.

Недавно Донской Ком. опубликовалъ свой отчетъ за 1892 г., изъ котораго видно, что онъ выпустилъ 60,000 прокламацій и листковъ. Это произвело на всѣхъ бодрящее впечатлѣніе. Прошлыя ростовскія событія всколыхнули весь ростовскій пролетаріатъ, почва настолько разрыхлена, что не хватаетъ даже работниковъ соціализма, чтобы поспѣвать за требованіемъ массы. При этомъ необходимо отмѣтить одну любопытную черту. Прокламаціи читаются всѣми и вездѣ. Рабочіе прямо требуютъ „литературы“, которая раскрывала бы глаза на всѣ соціальные и политическіе порядки страны; говорятъ открыто о „республикѣ“ и т. д.

Однимъ изъ благопріятныхъ послѣдствій прошлыхъ ростовскихъ событій было то, что женщины-работницы, раньше, по большей части, остававшіяся пассивными, въ настоящее время присоединились къ общему рабочему движенію. Оживленіе среди работницъ небывалое. Организуются кружки, возбуждается масса животрепещущихъ вопросовъ. Словомъ, можно считать, что отнынѣ и женщины-работницы г. Ростова выступаютъ активно на политическую арену.

Какъ извѣстно, это оживленіе вздумали было поэксплуатировать въ свою пользу и соц.-революціонеры. Дѣло не ограничилось только ихъ органомъ „Рев. Россія“, изображавшимъ „ростовскія событія“, съ присущей этому органу хлестаковской развязностью. Разсказанныя органомъ соц. революціонеровъ, разныя „небылицы въ лицахъ“ про ростовскія событія смутили души ихъ шустрыхъ послѣдователей. И вотъ они, ничто-же-сумняшеся, „сидя на рогожкѣ, а говоря съ ковра“, налетѣли къ намъ въ Ростовъ, чтобы направить дѣло на „правильный“ путь. Прежде всего они обратились къ „экономистскому“ Донскому Комитету, чтобы послѣдній далъ имъ свою типографію. Но Комитетъ, конечно, отвѣтилъ, что „не сѣявшіе не имѣютъ права жать“. И соц.-революціонеры уѣхали „во-своя-си“. Очевидно, пролетарскій Ростовъ не годится для скоропалительныхъ настроеній гг. соц.-революціонеровъ.

28 января изъ Ростова отправленъ на три года въ ссылку въ Вологодскую губ. по дѣлу Донского Ком. (въ 1901 г.) слесарь Ипатій Даниловичъ Ступниковъ.

Эксплуатація желѣзнодорожныхъ служащихъ. (Изъ „Кіевск. Соц.-Дем. Листка“ № 7). Доставленныя намъ свѣдѣнія о положеніи служащихъ въ службѣ сборовъ Ю.-З. Ж. Д. показываютъ, какъ возмутительно эксплуатируются люди, трудомъ которыхъ создается богатство этой казенной дороги.

Трудъ служащихъ здѣсь опредѣленъ заранѣе, каждому назначается извѣстная работа, впередъ на цѣлый годъ, считая въ немъ 360 дней. Такимъ образомъ, въ разсчетъ не приняты праздники, даже такіе, какъ Рождество и Пасха. Подобная каторжная работа оплачивается нищенски: существуютъ оклады въ 180 руб. въ годъ, тогда какъ служители того же Управленія получаютъ 240 руб. въ годъ. За сверхурочную работу платятъ еще меньше (иногда вдвое меньше). Такъ, если положено за исполненіе трехъ съ половиною тыс. накладныхъ 60 руб., то за слѣдующія три съ полов. тыс., сдѣланныя вечеромъ, даютъ 30 руб. Многіе не выдерживаютъ, уходятъ со службы, подаютъ жалобы, но эти жалобы ни къ чему не приводятъ

Творцомъ этой прибыльной системы является начальникъ службы сборовъ. Управляющій Ю.-З. Ж. Д. Немѣшаевъ оказался не въ силахъ воспротивиться этой эксплуатаціи, мало чѣмъ отличающейся отъ фабричной. Благодѣтельное распоряженіе Его Превосходительства о прекращеніи работъ въ 2 часа дня наканунѣ праздниковъ осталось втунѣ и служащіе попрежнему должны корпѣть до тѣхъ поръ, пока не окончатъ назначеннаго имъ щедрой рукой „урока“. Вотъ откуда набираются средства на громадные оклады господъ начальниковъ, столь ревниво высасывающихъ все, что можно высосать.

Стачка на сахарномъ заводѣ. Въ концѣ декабря на Александровскомъ сахарномъ заводѣ (въ с. Александровкѣ Чигиринск. у., Кіевск. г.) началась стачка всѣхъ рабочихъ — числомъ около 500 чел. Рабочіе держались дружно и энергично поддерживали свои требованія, среди которыхъ ими было выставлено требованіе 8-часового рабочаго дня.

1 января прибывшими на заводъ полиц. и жандарм. властями арестовано 180 ч. рабочихъ. Эта стачка, какъ и прошлогодняя на Черкасскомъ сахарно-рафинадномъ заводѣ, свидѣтельствуетъ о развитіи классового сознанія даже среди наиболѣе отсталыхъ слоевъ русскаго пролетаріата. (Изъ „Кіевск. С.-Д. Листка“).

Мелитополь, Таврич. губ. Здѣсь съ 12 на 13 февр. была разбросана масса прокламацій и гектограф. брошюръ, обращенныхъ къ рабочимъ. Вся полиція и жандармерія на ногахъ; пока идутъ обыски только среди рабочихъ.

Чита. Здѣсь была забастовка желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Стачка выиграна; всѣ требованія удовлетворены. Были выпущены четыре прокламаціи.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Организаціоннымъ Комитетомъ къ 19 февраля издано воззваніе („4 августа 1789 г. — 19 февраля 1861 г.“), въ которомъ проводится параллель между революціоннымъ способомъ освобожденія крестьянъ во Франціи и оппортунистическимъ — въ Россіи.

Вышедшій въ январѣ № 11 „Южнаго Рабочаго“ содержитъ 36 столбцовъ довольно убористаго шрифта, такъ что по размѣрамъ превосходитъ прежніе №№ этого изданія. Содержаніе: „Освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ“. — Соц.-дем. движеніе въ Россіи въ 1902 г. — Двѣ стачки углекоповъ (Франція и Соед. Штаты). — Ростовскія событія. — Корреспонденціи изъ Екатеринослава и Харькова. — Фельетонъ: Въ борьбѣ.

Нижегородскимъ Комитетомъ изданы прокламаціи въ декабрѣ — „Къ крестьянамъ“ и въ январѣ — „Ростовская стачка“. Вновь образовавшійся **Тульскій** Комитетъ издалъ воззваніе „О правѣ сходокъ“ (янв. 1903 г.). Въ теченіе января и февраля изданы **Кіевск.** Комитетомъ „Письмо раб. жел.-дор. мастерскихъ“, „Ко всѣмъ булочникамъ и хлѣбопекамъ“, „Ко всѣмъ типографщикамъ“, „Голосъ кіевскихъ рабочихъ“ и „Кіевск. С.-Д. Лист.“ № 7. **Петербургскимъ** Комит., кромѣ двухъ прокламацій по поводу стачки у Штиглица, изданы листокъ къ 19 февраля и два большихъ хорошо отпечатанныхъ листка: 1) О трэдъ-юніонизмѣ и соціализмѣ и 2) По поводу книжки ген. Богдановича. **Иркутскій** Комит. выпустилъ листокъ по поводу демонстраціи на лекціи Кулябко-Корецкаго. **Одесскимъ** Комит. издано: „Ко всѣмъ типографскимъ рабочимъ и работницамъ“ и „Къ раб. и работниц. на табачныхъ фабрикахъ“. **Донской** Ком. издалъ въ 5000 экз. листокъ о бюджетѣ, весьма удачно составленный.

Ко всѣмъ соціаль-демократическимъ организаціямъ Россіи. Товарищи! Теоретическая приниженность программы, беззаботность и организаціонный разбродъ — составили длинный смутный періодъ въ жизни нашей партіи. Полная разобщенность соціаль.демократовъ и отсутствіе центральной руководящей группы — исключали всякую преемственность въ революціонной дѣятельности, порождали пренебреженіе къ вопросамъ теоріи, съуживали кругозоръ отдѣльныхъ практиковъ-товарищей. Въ связи съ частыми провалами, это приводило къ измельчанію типа революціонера, къ забвенію, извращенію и игнорированію руководящихъ началъ соціаль-демократической доктрины, поселяло и узаконяло младенческія формы дѣятельности и примитивныя формы борьбы. При такихъ условіяхъ, истинно революціонные соціаль-демократы естественно должны были выдѣлиться, чтобы очистить прекрасную, но засоренную ниву, чтобы начать безпощадную борьбу съ шатаніями теоріи и хаосомъ практики. Естественно, что они должны были выставить девизомъ: кто не за насъ, тотъ противъ насъ. И этотъ боевой кличъ раздался со страницъ „Искры“... Онъ заставилъ многихъ товарищей, плывшихъ по теченію, остановиться, забыть программное легкомысліе и отрѣшиться отъ взгляда на соціаль-демократическое движеніе — „съ точки зрѣнія своего прихода“... Не касаясь отдѣльныхъ эпизодовъ, мы должны признать, что принципіально выдержанная, чуждая неувѣренности и колебаній, — „Искра“ значительно способствовала уменьшенію царившаго сумбура. Какъ врачъ и другъ, она вскрыла самыя тяжкія наши язвы...

Со своей стороны, мы солидарны съ „Искрой“ и „Зарей“ по всѣмъ вопросамъ программы, тактики и организаціи — и признаемъ ихъ своими руководящими органами, а „Лигу русской революціонной соціаль-демократіи“ — нашимъ заграничнымъ представителемъ. Независимо отъ этого, мы признаемъ жгучую необходимость созыва партійнаго съѣзда.

Товарищи! Наблюдая жизнь у „источниковъ“ ея, мы видимъ, какъ стихійный подъемъ революціонныхъ силъ опережаетъ ростъ организацій, какъ немощна соціаль-демократія для того, чтобы углубить и использовать революціонную энергію пролетаріата, превратить назрѣвающій смутный духъ мятежа въ ясное классовое сознаніе. Безспорно, что героическія усилія разрозненныхъ „кустарей“ ни къ чему не приведутъ, и эту великую и сложную задачу можетъ взять на себя только централизованная партія, могучая своимъ единствомъ, несокрушимая своей теоретической устойчивостью, дисциплинированная и стройно съорганизованная. Неумолимая логика каждаго новаго факта нашей старой неподготовленности неизбѣжно приводитъ къ этому выводу. И мы присоединяемъ свой скромный голосъ къ хору голосовъ, взывающихъ къ скорѣйшей организаціи партіи.

Донской Комитетъ Россійской Соціаль-Демократической Рабочей Партіи.

Въ помѣченной январемъ 1903 г. прокламаціи **Сибирскій С.-Д. Союзъ** объявляетъ о своемъ вступленіи въ Росс. С.-Д. Р. П. въ качествѣ ея Комитета. Союзъ объявляетъ о „своей солидарности съ организаціей „Искры“ по вопросамъ принципіальнымъ, тактическимъ и организаціоннымъ“ и о признаніи „Искры“ руководящимъ органомъ.

На первомъ собраніи **Казанскаго** Комитета Р. С.-Д. Р. П. было внесено предложеніе о присоединеніи къ „Искрѣ“; послѣ всесторонняго обсужденія этого вопроса была выработана слѣд. резолюція: „Признавая отсутствіе между большинствомъ комитетовъ и группъ Р. С.-Д. Р. П. какъ теоретическаго, такъ и практическаго единенія, видя въ этомъ громадный вредъ для дальнѣйшаго развитія въ Россіи соц.-демократическаго дѣла, признавая въ то же время только программу „Искры“ вполнѣ соотвѣтствующей чистотѣ соц.-дем. принциповъ, а также и практической потребности времени, считая, наконецъ, организацію „Искры“ единственною, могущею объединить всѣ современные комитеты и группы подъ знаменемъ Р. С.-Д. Р. П., Казанскій Комитетъ постановляетъ принять безъ измѣненія программу „Искры“ и считать ее — „Искру“ — своимъ руководящимъ органомъ. Казанскій Комитетъ Р. С.-Д. Р. П.“

Намъ прислано слѣдующее печатное заявленіе:

Уфимскій рабочій комитетъ, отдѣлившись съ января 1903 г. отъ Уральскаго союза соц.-демократовъ и соц.-революціонеровъ, пришелъ къ заключенію о необходимости революціонной борьбы подъ руководствомъ единой общероссійской организаціи. Поэтому комитетъ привѣтствуетъ образованіе Организаціоннаго комитета, поставившаго цѣлью объединить въ одной организаціи и подъ однимъ знаменемъ русское рабочее движеніе. Онъ признаетъ авторитетными для себя дальнѣйшія рѣшенія Организаціоннаго комитета, такъ какъ задачи послѣдняго и направленіе дѣятельности отвѣчаютъ цѣлямъ, намѣченнымъ Уфимскимъ комитетомъ въ минувшемъ январѣ. Для осуществленія задачи объединенія мѣстныхъ рабочихъ организацій Уфимскій комитетъ въ настоящее время присоединяется къ Россійской Соціаль-Демократической Рабочей Партіи и заявляетъ о своей солидарности съ теоретическими воззрѣніями и организаціонными идеями „Зари“ и „Искры“, признавая эти органы руководящими для русской соц.-демократіи. Уфимскій Комитетъ Р. С.-Д. Р. П.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Петербургъ. Въ началѣ февр. арестованы: Щегловъ, Токаревъ, Полубояриновъ и мног. другіе. — **Н.-Новгородъ.** Начиная съ первыхъ чиселъ февраля здѣсь обыски и аресты чуть не каждый день. Еще въ январѣ арестовано нѣсколько сормовцевъ. 1 февр. взята М. С. Карасева (служ. въ стат.). Выѣхавшая въ этотъ же день изъ Нижняго фельдшерица А. М. Кекшева привезена изъ Москвы. 3 февр. арестов. Ив. П. Ладыжниковъ, завѣдующ. книжн. магазиномъ. Изъ рабочихъ арестованы Оадѣевъ, Тюменевъ, Замятинъ, Постоноговъ, Рыбниковъ, Вороновъ, Лебедевъ, Павловъ, Барановъ, Кузнецовъ — все сормовцы; въ городѣ хозяева столярныхъ мастерскихъ Комоловы (отецъ и два сына) и еще нѣсколько ремесленниковъ. Обыски были въ Бабушкинской больницѣ, магазинѣ „Книжный музей“, у всѣхъ губернскихъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ статистиковъ, а также въ У. З. Управѣ. — **На Воткинскомъ заводѣ** арестованъ учитель В. Е. Кривоноговъ. — **Москва.** 14-15 февр. арест. 40 лицъ: студ. Меж. Инст. и друг. — **Ташкентъ.** Въ концѣ декабря и началѣ января повальные обыски. Арестованъ бывшій студентъ Михинъ. — **Ростовъ-на-Дону.** 3 февр. вечеромъ на Сѣнной ул. арестов. случайно сапожникъ В. Безпаловъ съ литературой „Свободы“. Перевезенъ въ Таганрогъ. Съ 1 февр. здѣсь дѣйствуетъ охранка.

Бѣжалъ изъ села Тютьковскаго, Енисейской губ. и благополучно прибылъ заграницу сосланный по дѣлу „Раб. Знамени“ Давидъ Гершановичъ.

Намъ пишутъ: „Носятся слухи, что, въ виду учащающихся побѣговъ, съ проживаніемъ по чужимъ паспортамъ, образованы летучіе отряды шпіоновъ и жандармовъ для разыскиванія нелегальныхъ. Въ числѣ шпіоновъ находится извѣстный на югѣ Усовъ, долгое время бывшій старшимъ жандармомъ при одесской тюрьмѣ и знающій въ лицо не одинъ десятокъ лицъ.“

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Поправка. Въ статьѣ „Нужна-ли самостоятельная политическая партія еврейскому пролетаріату“ (№ 34 „Искры“) вкрались слѣдующія, извращающія смыслъ, опечатки: на стр. 2, столб. 2 строка 34 сверху, пропущено слово „не“ послѣ словъ евреи-рабочіе (вмѣсто „организованы“ надо читать: не организованы). Тамъ же на строкѣ 48 сверху вмѣсто: „которая должна“ слѣдуетъ читать: который долженъ.

Получено: Отъ Л.С.Т. на „Искру“ 95 руб., изъ Берлина въ пользу бѣглыхъ и ссыльныхъ по подписнымъ листамъ 250 мар., изъ Парижа 303 фр., изъ —ь 210 фр. 30 с., изъ Антверпена на изданіе записокъ Павлова 18 фр. 50 с., изъ Цюриха за литературу 67 фр. 15 с., отъ Цюрихской группы 9 фр., изъ Винтертура за литературу 8 фр. 25 с.

Со всѣми требованіями на нашу литературу просимъ обращаться по слѣд. адресу:

Herrn Axelrod, Zurich, Vogelsangstrasse 9

Типографія „Искры“